

Путь к сердцу. Баал

Автор:

Вероника Мелан

Путь к сердцу. Баал

Вероника Мелан

Город

В ее мире любить мужчину – не грех, но преступление против установленных Женской Конфедерацией законов. Выросшая на рассказах бабушки о «старом» мире – том, где мужчины и женщины некогда составляли гармоничное целое, – Алеста находится на распутье: уступить ли матери, властной рукой вершащей судьбу дочери в пользу социального устройства и внешнего благополучия, или же искать потерянную истину? Верить учебникам, в которых утверждается, что женская Любовь способна взрастить из мужчины лишь «самовлюбленного эгоиста», или же доверять шепчущей обратной интуиции? В его мире нет женщин. Не потому что они не существуют, а потому что он предпочитает их не видеть. Рожденный лишь с половиной души, Баал Регносцирос уверен, что обречен на одиночество, – он не человек, он полудемон, и, значит, ущербный. Когда вместе встречаются тот, кто жаждет любить, и тот, кто не считает, что достоин любви, вспыхивают способные выжечь новый рисунок на полотне судьбы искры.

Вероника Мелан

Путь к сердцу. Баал

«...если Любовь как чувство, как посылаемую энергию перестать дозировать, у мужчин растет не только сила воли, но так же излишняя агрессия, тяга к власти и управлению (а так же к самоуправству), развивается желание доказать собственное превосходство, что неизбежно приводило и будет приводить к

войнам и кровопролитию. Масштабы катастрофы огромны: в детстве – уличные драки, хулиганство; в зрелости – разработка и использование оружия массового поражения. Мужчины, лишённые женской Любви полностью, становятся злыми, гневливыми и мстительными – страх «меня не любят» впоследствии довлеет над всеми их поступками, формирует неадекватное поведение, порождает тягу к насилию, превращает людей с хромосомой Y в животных. Доказательством тому служит обитающее в лесах вокруг Женской Конфедерации количество «диких», не поддающихся перевоспитанию особей мужского пола, на пути которых стоит единственная преграда – Великая Конфедерационная Стена, спасающая общину Фемид от нападений. Уважаемые гражданки, жительницы Конфедерации, будьте благоразумны и всегда соблюдайте правила «дозирования» посылания Любви мужчинам, описанное в Своде Правил п.5.15.6, ибо только так вы сможете сохранить нашей великой державе спокойствие, процветание и мир...»

Из учебника по Истории. Колледж. 11 класс.

Часть 1. Танэо

Глава 1

Алеста

Толстое стекло разделяло комнату надвое: верхний, выше по уровню и похожий на бункер, этаж, и нижний, залитый солнечным и электрическим светом, «загон». В загоне совершенно голые – без единого лоскута ткани на ступнях или бедрах – на приземистых табуретках сидели трое молодых мужчин. Молчаливые, потупившиеся в пол, с неестественно выпрямленными спинами – так принято. Самый левый – голубоглазый блондин, чьи руки дрожали так сильно, что их приходилось прижимать к коленям, – нервничал; Алеста видела. Он то и дело порывался поднять голову и рассмотреть находящихся за стеклом женщин, но закон не позволял: ошибешься на собеседовании – попадешь не в державу, а за

Стену, в лес. И ни тебе профессии, ни зарплаты, ни жены, ни потенциальных детей. И, конечно, ни капли женской любви. Блондин изо всех сил душил любопытство в зародыше и голову не поднимал. Другие двое нервничали меньше (или же так казалось?) – сидели спокойно, руки держали там, где их держат большинство мужчин, – на обнаженных причиндалах.

Хельга, допущенная вести собеседование в третий раз и оттого непривычно важная и деловитая, стояла у стекла, смотрела вниз и улыбалась – ее алые от новой помады губы растянулись в неприятной улыбке. Из угла, где разбирала и сортировала бумаги, Аля поглядывала на нее изредка. Поглядывала и не узнавала: и ведь не скажешь, что сестра – власть меняет людей. А ведь это только третий раз; как изменится Хельга за год? А за следующий? Она и за последний-то месяц растеряла остатки женственности – не принимала это качество и раньше, а теперь и подавно: волосы остригла по плечи, очки стала носить с квадратными стеклами, обувь исключительно на плоской подошве. Все старалась походить на старших коллег – Тильду Богдановну и Улу Валентиновну, сидящих сейчас слева от Хельги и церемонно наблюдающих за процессом «посвящения».

«Посвящение в граждане Конфедерации» – важность-то какая – Аля поморщилась. Благо, помещение темное, и никто не увидел.

А Хельга улыбалась акулой.

– Назовите ваше имя, – приказала она блондину, и тот от резкого звука, усиленного в загоне динамиками, вздрогнул. Неуверенно поднял голову и тут же получил словесный подзатыльник. – Смотреть в глаза без разрешения запрещено! Опустите голову!

Блондин смиренно склонился; Тильда Богдановна и Ула Валентиновна благосклонно кивнули – жесткость в общении с мужским полом здесь ценилась и почиталась.

– Имя!

Аля никогда не слышала в голосе сестры столько стали – первые два собеседования Хельги она пропустила – на стажировку прийти не смогла по причине досдачи последних экзаменов в колледже. Досдала. И теперь

полноценно стажировалась в Комитете по приему в Женскую Конфедерацию мужского населения. Когда-нибудь собиралась занять должность Хельги – по крайней мере, на этом настаивала мама.

«Достоинно, и люди будут гордиться. А с каким почтением станут относиться к нашей семье!»

Еще бы Аля имела право на выбор...

– Т...тимур Л. литецкий, – прозаикался блондин.

– Возраст?

– Восемнадцать лет.

– Образование?

– Полное высшее. Колледж мужского воспитания.

Хельга постучала себя по щеке ручкой; Але некстати вспомнился брат Савка – однажды и он будет сидеть на этом стуле, проходить собеседование. Через три года. Всего через три года – как быстро летит время. А, помнится, она держала его на руках, играла с ним и безмерно любила его, чем выводила из себя мать, которая орала, что Алеста с детства «залюбит» Савелия – испортит его, превратит в чудовище, ведь не благими ли намерениями устлана дорога в ад?

А потом Савку забрали.

Ей было десять, ему пять. И через три года они увидятся снова – каким он стал? Сильно ли изменился? Возмужал, наверное, вырос, вытянулся. Остались ли его волосы светлыми, какими были в детстве, или же потемнели, как у нее, у Альки? Хельга красилась в блондинку – дома забыли, с какой шевелюрой она родилась.

Собеседуемый Тимур, тем временем, отвечал на вопросы; «Урсулы» – этим единым словом Алеста мысленно объединяла Тильду Богдановну и Улу Валентиновну – придирчиво рассматривали его внешность. Ощупывали глазами, причмокивали губами, отпускали неприличные комментарии по поводу размера

«недоросшего» причиндала.

– А ну-ка встань! – скомандовала Хельга, и щуплый парень поднялся с табуретки. – Руки по швам!

Дрожащие руки повисли вдоль боков.

– Двое других, встать тоже!

Соседи по загону подчинились приказу.

– Да нормальный у него член! – удовлетворенно констатировала сестра, и Аля вдруг испытала за нее стыд – ну, зачем в микрофон-то? Да, пусть мужчины, но они ведь тоже люди, тоже живые – зачем унижать-то? Хельга, однако, стыда не испытывала. – У этих двоих, конечно, получше, но и у блондина, когда встанет, вытянется. Детей будет чем заделать. Что думаете, коллеги?

«Урсулы» заперешептывались; Тильда хрипло и неприятно рассмеялась.

Алеста с полыхающими щеками уткнулась в бумаги – хорошо, что ее из-за стекла не видно.

– А тебе, Алеста, который нравится?

Хельга направила взгляд зеленых глаз на Алю – вопрос не был праздным. Этим вечером старшая сестра заберет одного к себе – лишать девственности – привелегирует, так сказать.

Провалиться бы сквозь землю, но как не отвечать? Не отвечать нельзя, она ведь следующая, кто займет эту должность, – Аля расправила юбку, вышла из-за крохотного стола с бумагами, приблизилась к окну. Ей нужно держать лицо, нужно соответствовать – «Урсулы» смотрят. А еще мать – что она скажет, если дочь подведет до официального поступления на работу? Опозорит семью, разрушит надежды.

Алеста прокашлялась. Смотреть на мужчин не хотелось, но она заставила себя.

«Не такими они должны быть – не забитыми, не зашоренными». Все это было как-то неправильно, в корне неверно – их робкие взгляды, их сутулые, несмотря на прямой позвоночник, плечи, отсутствие в глазах интереса. Не мужчины – чахлые возвращенные цветы вместо гордых деревьев – эхо былых времен, о которых рассказывала бабушка.

Мужчины за стеклом ждали вердикта, кто краше, – ей стало их жаль.

«А если бы вот так ее? Или Хельгу? А «Урсулы» бы вообще тест на «красоту» не прошли», – эта мысль развеселила.

– Ну, сестренка, с каким бы ты позабавилась этим вечером?

«Ни с каким».

Аля вообще не хотела ни с кем забавиться. И девственность она берегла не потому что надеялась встретить кого-то особенного – ей все равно идти в храм, рожать от Богини, – а потому что не желала видеть рядом с собой в постели робкого и неуверенного, постоянно прячущего взгляд человека.

– Среднего.

Она выбрала наугад, не присматривалась.

– Почему?

Хельга впивалась игольчатым взглядом из-под очков.

Пришлось мужчин рассмотреть – не детально, поверхностно.

– Грудь шире, волосы гуще.

– И яйца у него ниже висят, в руке плотнее будут.

Тильда Богдановна чувством такта не отличалась тоже.

– А я бы крайнего справа, – с зевком отклонилась назад рыжеволосая тетка Ула Валентиновна, и Аля правому не позавидовала – заберет ведь. – Люблю, когда хрен толстый.

«Хрен».

Это слово продолжало звучать в голове Алесты и два часа спустя, когда собеседование завершилось и все вопросы – кем хотите работать, какую получать зарплату, готовы ли начать садовником? – нашли свои ответы.

«Интересно, а как называют мужской член с любовью, если не хрен?»

Хотелось на улицу, на солнце, к киоску с лимонадом. Хотелось пройтись по парку, подышать напоенным сосновой смолой воздухом, послушать гвалт на детской площадке, посидеть у озера.

«Может, и Ташка сможет?»

Едва Аля толкнула толстую дверь Комитетского управления, вышла на улицу и поставила лицо теплый солнечным лучам, «хрен» был забыт.

Лето.

Лето – это пора, когда хмельной от ароматов трав ветер забирается под тонкую ткань белой блузки, когда он – озорник – тербит кружевные рукава и распущенные локоны. Ноздри щекочет запах пестрых цветов, жужжат на лужайках выползшие из кладовых газонокосилки, хозяйюшки в разноцветных шляпах полют рыхлые грядки.

Лиллен утопал в растительности, как тонет в пышных юбках любительница балов, – благоухал пряными травами, поглаживал калитки нежными листьями, кивал тысячами голов распутившегося тульника. Шумели липы, шептались вдоль аллей кусты ельховника, блестела под лучами солнца умытая дождем черепица крыш; из распахнутых окон домов через один тянуло пирожками.

Алеста Лиллен любила.

Выросшая на этих ласковых улицах и водимая некогда маминой рукой сначала в садик, затем и начальную школу, она едва ли могла представить, что раньше этот город звался иначе – неприветливо и неказисто – Курдан. Нет, слово «Курдан» этому месту не подходило совершенно. Хотя, раньше, до прихода Конфедерации, и само место было другим – все было другим: страны, люди, обычаи, жизнь. Тогда, еще до Алькиного рождения, когда Женская Конфедерация не воцарилась во всем своем текущем великолепии, как теперь, стран, согласно учебнику истории, было несколько, и все они управлялись мужчинами-диктаторами. И те воевали за все: за плодородные земли, за расширение границ, за власть, за воцарение мира во всем мире. Воевали, и ничего не добились. Зато разрушили храмы Богинь, которых когда-то существовало восемь, – тогда и свершился Уход. Разгневанные небожители покинули мир, превратив почти всю его площадь в Холодные Равнины – сравняли с землей людей и города, обратили почву в камень, оставили людей без благоволения и удачи. Из восьми осталась лишь одна – Дея – покровительница женщин и плодородия, чей храм по случайности остался нетронут, – она и помогла Алькиным прародительницам восстановить мир, а заодно и создать Конфедерацию. И стало тепло и уютно, стало светло и спокойно, и на месте Курдана вырос утопающий в цветах Лиллен. Алькин Лиллен – маленький и любимый.

«Зачем воевали? – часто пыталась понять Алеста. – Зачем что-то бесконечно делили? Почему сразу не могли жить в гармонии?» И не понимала. Силясь разобраться в хитросплетениях истории, она перечитывала школьные учебники по много раз, некоторые места выучила наизусть, но сути – зачем нужны войны? – уловить так и не смогла. А теперь просто радовалась, что их нет. Потому что прежних хватило – если бы не они, до сих пор бы цвела земля Равнин, и жили бы на ней люди, а не демоны. Демоны, которых боялись все – даже дикие мужчины из лесов. И хоть последние умели воевать и до сих пор чинили оружие, с Равнин живым не вернулся никто.

«Вот так-то, – размышляла Алька, и вздыхала. – Дураки. А ведь все могло быть иначе».

Но зачем думать об этом, когда вокруг лето? Когда вокруг жужжат шмели, когда розовеют у оград бутоны, когда свободной и счастливой жизни осталось еще целых три месяца. А потом...

Потому тоже будет жизнь, только другая, новая. Жизнь после Похода.

Ташка смогла.

Пересдала задолженность по философии и теперь сидела на разложенном у самой кромки озера одеяле, щурила зеленые глаза от пробегающих по водяной глади солнечных бликов и ела мороженое – свое любимое, апельсиновое.

Аля облизывала вафельный стаканчик, по краям которого стекал шоколадный пломбир; плюхал лопастями по озерной ряби катамаран, макушки сидящих на нем женщин припекало послеполуденное солнце. Свою рыжую и курчавую голову Ташка прикрыла розовой и почти сползшей на затылок шляпкой, невероятно ей «не идущей», но насчет последнего Алеста, как всегда, промолчала – ей запрещалось комментировать внешность подруги. Ташка – она же Талия – с ранних лет считала, что не удалась, ибо Дея в момент сотворения дочери для Эльзы Геннадьевны – мамы Ташки, – должно быть, пребывала не то в творческом ударе, не то маялась с нектарного похмелья. Иначе откуда бы взялись эти противные веснушки, медные кудри, маленькие зеленые глаза и тонкие губы? Это, что, гармонично? Талия так не считала.

У Али, впрочем, веснушки тоже были, но не на щеках, а россыпью на переносице. И побледнели они, как только Алеста вышла из подросткового возраста, – почти растворились. И Ташка завидовала – не зло, но со вздохами: тебе, мол, и кожа белая досталась, и волосы блестящие каштановые, и глаза карие – не темные, а красивые, кофейные, – и губы пухлые, – а мне что? Рост в метр с шапкой и отсутствие груди. И это почти в двадцать два!

«В двадцать один», – поправляла ее Алеста. А раньше говорила «в восемнадцать», «в шестнадцать», «в тринадцать». Они знали друг друга с первого класса начальной школы – как сели вместе за парту, так и шли по жизни рука об руку – разные, но привыкшие друг к другу, научившиеся ладить, ибо дружба – это всегда ценно. Кто, если не друг, прикроет тебя перед учителем, даст списать, сбежит с тобой с последнего урока в ботанический сад смотреть на бабочек? Кто будет спать с тобой на чердаке под одним одеялом, слушать утром про твои сны, плести тебе косы и помогать воровать из шкафа на кухне печенье? Кто разъяснит философию, сам же посмеется над ней, поддержит, если вдруг упал духом, и придет есть с тобой у озера мороженое? Правильно,

Талия. И пусть она всегда завидовала Алькиным губам так, что иногда в шутку лезла целоваться, за что так же в шутку несколько раз получала в лоб пеналом, зато она была другом. Настоящим.

- Хорошенькие сегодня были?

Алеста не стала спрашивать «кто» - и так ясно. После каждого собеседования Ташка напористо выведывала подробности: рост мужчин, цвет глаз и шевелюр, разворот груди, длину «брынки», а так же имена и приписанные им должности. Алька не пыталась скрыть информацию: во-первых, та не являлась секретной, а во-вторых, если уж Ташка делалась напористой (а напористой она делалась всегда, как только разговор касался мужчин), проще было сдаться без боя.

- Нормальные. Обычные, - и она описала внешности.

- И ты никого не выбрала?

- Нет, конечно, - Алька поморщилась, - зачем мне выбирать?

- Ну, Хельга наверняка опять уведет одного. На пробы.

- Да пусть ведет хоть всех.

Подруга шумно всосала в себя растаявший верхний слой мороженого, причмокнула губами и воззрилась на Алесту.

- Неужели тебе не интересно попробовать, как это - в постели с женщиной - до Похода? Ведь так и родишь девственницей.

- И что?

- Ну, это старомодно.

- А лежать в постели с... - какое-то время Алеста не могла подобрать нужного слова, - рабом - это модно?

- Ну, они не совсем рабы...

- Рабы. Подчиняются каждому твоему слову.

- А как должно быть, Алька? Подчиняются, потому что так надо, потому что так правильно, потому что иначе было бы, как раньше.

Они говорили об этом не в первый раз - наверное, в сотый, даже в тысячный. И каждый раз Ташка была на стороне Конфедерации, а Аля выступала инакомыслящей. Неким индивидом, не способным понять причину установленных правил, - борцом за справедливость. Хотя, за какую справедливость, если, вроде бы, все справедливо?

Она могла бы не ходить к Богине - отказаться. И выбрать мужа. Жить с тихим, подчиняющимся каждому ее слову человеком, родить мальчика (ведь от мужчин рождаются только мальчики - проклятье Неба), после отдать его в воспитательный дом и заниматься карьерой. А к Богине могла бы сходить позже - положим, в тридцать или даже сорок - Дея была благосклонна в любом возрасте. Но как быть с матерью, которая либо изобразит сердечный приступ, либо свалится с настоящим, если Аля откажется собираться в Поход?

«Ведь только от Деи рождаются девочки! Ты разве не хочешь родить дочь, снискать уважения в обществе, подкрепить собственный статус?»

Дочь Алеста хотела. А на уважение и статус ей было плевать. Хотелось романтики, хотелось любви, хотелось, чтобы все было так, как рассказывала бабушка.

- Ждешь большого чувства? - Ташка прочитала Алины мысли - теперь она смотрела второй катамаран, присоединившийся на озере к первому; солнце медленно описывало дугу и клонилось к стене. - Твоя бабушка жила в другие времена - теперь такого не бывает.

Аля молчала.

- Теперь нет сильных мужчин - мы не позволяем им. Потому что грань слишком тонка, потому что если любить их, как раньше, начнутся войны.

- Может, не начнутся.

- Хочешь проверить, зайдет ли на круг история? Зайдет.

- Но мы выделяем им всего по несколько минут в день. Этого мало!

Ташка вновь задела «живую» тему.

- Не мало! Как раз. Хочешь развить им силу воли, выпрямить им спину? Как только они почувствуют, что ты мягкая и прогибаешься, начнут сосать из тебя, требовать, давить.

- Ты становишься, как моя мама.

- А кто сказал, что твоя мама не права?

Альке, несмотря на теплый и почти безветренный день, вдруг расхотелось сидеть на берегу. Захотелось не домой, нет, но туда, где можно побыть одной, – побродить, помечтать, поразмышлять. И, может быть, тогда найдутся ответы на все вопросы – на главный вопрос: почему она – Алька – не такая? Почему не может жить, как все; почему каждый день ощущает, как что-то скребет душу, не дает ей покоя. Почему не хочет идти к Дее, почему не желает подчиняться правилам? Почему-почему-почему...

- Я пойду, Таш.

- Эй, ты чего?

- Ничего, устала после собеседования.

И, ощущая на себе растерянный взгляд подруги, – «я сказала что-то не то?» – Алеста поднялась с одеяла.

* * *

«Мы возвели новые дома. Без мужчин.

Мы вымостили дороги. Без мужчин.

Мы вывели инфраструктуру на новый уровень. Без мужчин.

Мы отстроили новые города. И снова без них.

Мы научились жить в мире без драк, алкоголизма, наркотиков и насилия.

Мы – лучшая часть этой планеты, независимая от выживания, покуда с нами Дея – да благословит ее деяния Господь. Да здравствует Дея! Вечная, милостивая к дочерям своим и щедрая на плоды земли и чрева...»

Из учебника по Религии. Колледж, 4й класс.

Аля мечтала любить – открыто, честно, в том объеме, в котором желало сердце, – и то была единственная несбыточная мечта из всех ее маленьких и больших мечтаний.

Нечестно.

Почему женщинам позволялось любить все – дом, семью, животных, детей (девочек), – но только не мужчин? Женщин, к слову сказать, заставляли любить все вокруг, поскольку ученые считали, что если Источник Любви, расположенный в женской груди в переплетении энергетических каналов, бездействует, то Любовь обращается в Злобу – противоположный ей тип энергии. И, значит, Любовь должна, обязана течь. Хотя бы куда-то, иначе она, не выпущенная на свободу, все разрушит.

Но какими правилами можно прописать, куда именно течь любви? Почему решили, что можно избирательно направить энергию на какой-либо объект? А как же собственное желание, тяга, потребность любить то, что любитя, а не то, что приказывают?

Аля маялась.

Она любила свою семью и свой город, но тяготилась от навязанной избирательности.

Да, у женщин есть Источник Любви – доказано. У мужчин Источник Любви тоже есть – тот, что помогает женщинам стать женственнее, – от него современное общество отказалось без раздумий – мол, нам неважно быть женственными. А вот что на самом деле важно, так это не дать мужчинам взрастить волю, ведь именно Любовь женщины возвращает в мужчине веру в себя, веру в свои силы – Мужественность. А излишняя Мужественность ведет к войнам и агрессии, и, значит, Любовь придется дозировать. Мужьям выделить по полчаса Любви в день, неженатым мужчинам по пятнадцать минут. И настроили ведь специальные дома, куда эти бедолаги ходят, получают свою порцию ласки, становятся временно счастливыми.

И становятся ли?

Аля не понимала, как можно «ласкать» по заказу? Неужели у кого-то выходит здесь «любить», а здесь «не любить»? Это как переключать положение выключателя – лампочка горит, лампочка не горит?

О том, «как» и «когда» женская Любовь стала разменной монетой, Алеста знала из учебников истории, вот только принять этот факт до сих пор не могла. Не логикой даже – сердцем. Женщины испокон веков были – не ниже, нет – другими. С другой ролью, другими целями в обществе, никогда ранее они не стояли в иерархии выше мужчин – неправильно это. И за подобные слова Алю бы оштрафовали, как однажды бабушку Агафью, которая и втолковывала маленькой еще тогда внучке собственное мнение:

– Вот отец мой, твой прадед, – он был романтик. Он умел завоевывать, понимаешь? Умел добиться женщины, настоять, сделать ее своей. Умел быть и мягким, где надо, и жестким, когда требовалось. А что сотворила с нами Конфедерация? Ты вырастешь, внученька, ты все увидишь.

Алька выросла. И увидела, что все, вроде бы, правильно, вот только мысль про прадеда и его умение завоевывать женщину прочно засела в памяти – совсем как сказочная история, в которую хотелось верить.

А жизнь уже расписана – жизни нет. Потому что есть мать, и ее желание видеть дочь на административной должности. Хельгу туда уже пристроили, затем пристроят и Алесту. После сгоняют обеих до храма Деи, встретят на пороге уже беременных и девять месяцев спустя примутся радостно растить внучек – новых гражданок Великой Женской Державы.

Хотелось плеваться.

И еще не хотелось отпускать от себя детство.

– Детство, Алечка, – говорила бабушка, – это безмятежность. Это когда твой мозг не затуманен страхом, чувством вины и обидой. Не из любви рождается злоба, Аленька, совсем нет – из вины. Потому и мужчины в лесу дикие, потому что виноватые.

– А в чем виноватые, бабушка?

– В том, что их никто не любил. И, значит, не были они достойны, значит – плохие. Чувство вины все рушит, не любовь. Так что люби все, что захочется, Алюшка, а вот вину не копи, не живи для других.

Но на дворе июнь. А через три месяца день рождения и Поход. Иначе мать, иначе разочарования, иначе Алька плохая.

«Не копи», – учила бабушка.

Правильно учила. Но чувство вины разрасталось.

* * *

– Представляешь, Альке опять никто не понравился.

– Не зови ее Алькой.

– Почему, если она Алька?

- Она - Алеста!

Мать чинно восседала во главе стола, Хельга спиной к телевизору, отец ютился с краю. Ел он всегда, понутив голову, во время разговоров молчал, газет не читал - ему запрещалось. Он читал их по ночам, втихаря, когда Ванесса Терентьевна, завершив вечерний моцион с последовательным наложением на лицо пяти увлажняющих масок, уплывала из ванной в спальню, гасила ночник и спустя несколько минут начинала посапывать. Тогда скромный Антон Львович - в обращении жены просто «Тошик» - спускался вниз, уединялся в кладовой и при свете тусклой лампочки перебирал периодику: пожелтевшие от времени газеты и старые, оставшиеся еще от деда, журналы. Несколько раз он порывался оформить подписку на новую «Науку и Технику», но жена лишь строго поджимала губы, и «Тошик» неслышно вздыхал. Альке хотелось сделать ему подарок на следующий день рождения - оформить подписку на себя и тайно подкладывать «Науку и Технику» в кладовую, но мать, узнав про такое, взмылила бы головы им обоим. Приходилось страдать - отцу без подарков, дочери без возможности их делать.

- Он тебе не отец! - давила мать, если Алька пыталась что-либо возразить. - Он отец Савки. И просто мужчина, который числится в нашей семье моим мужем. А ты рождена от Деи, и не забывай этого! Молись.

Аля молилась, но Антона Львовича отцом считать не переставала. Ну и что, что не родной отец? Читать маленькую учил? Учил. Кататься на велосипеде учил? Учил. Мороженым в парке кормил - чем ни отец? И ведь любил по-своему, как умел.

Ужин продолжался.

Дожевав салат, мать положила себе из сотейника пару котлет, обильно полила их соусом и задумчиво, погрузившись в воспоминания, посмотрела на Алесту.

- А ведь я хотела назвать тебя Констанцией. Сильно хотела.

Алька едва не поперхнулась - Констанцией? Это громоздкое и неповоротливое имя почему-то напоминало ей ржавый, лежащий на свалке развороченной кучей металла локомотив. Монументальный, неподъемный и совершенно не гибкий.

Не то что «Алька». Алька – это что-то уютное, родное, где пахнет дождем, где по шалашику из веток стучат капли, где за стенами шумят сосновые ветки. Алька – это когда утром кофе с корицей, а в окно солнце, Алька – это легкие шаги по улице, а пальцы касаются листьев кустов; Алька – это бесконечный мир фантазий – живой, подвижный и пахнущий сказкой. Ну и подумаешь, что Хельга произносила «Алька» по-ругательски, с насмешкой. На то она и сестра. Вредная и старшая.

– Это все Тошик. Он настоял на Алесте – сказал, красивее. Единственный раз тогда поддалась его уговорам и до сих пор жалею.

Алька посмотрела на отца, на секунду встретилась с его виноватым взглядом, после чего тот быстро опустил голову – он молчал, всегда молчал. Сносил все шпильки, унижения, а Алесте отчаянно хотелось, чтобы он вспылал. Вдруг поднялся, повысил голос, ударил кулаком по столу и сказал «хватит!» – чтобы все вокруг увидели, что – да, он мужчина, – но, главное, он ЧЕЛОВЕК!

Но отец не поднимался – делал вид, что разговоры его не касаются, что обиды ему чужды, что он вообще находится не здесь, а где-то еще – за стеной собственного невидимого мира.

Алька вздохнула; котлеты в горло не лезли. На экране телевизора плыл ряд из незнакомых лиц – все девушки, все одеты в военную форму, и у каждой в глазах такая гордость, будто это она только что защитила грудью Храм Деи. Не менее гордо звучал из-за кадра и голос ведущего:

– ...Община гордится, что в этом году число рекрутов превысило прошлогоднюю численность почти вдвое – на постоянную воинскую службу с начала месяца заступило три тысячи окончивших Военный Колледж фемид. Мы гордимся вами, Женщины, – Женщины с большой буквы. Мы спокойны, зная, что периметр Стены охраняют такие доблестные Воительницы, славные последовательницы покинувшей нас богини Боллы...

Телевизор продолжал вещать; мать никогда не выключала военный канал – прислушивалась к нему и сейчас.

– Кстати, Алеста, ты еще не готова к Походу? Все чего-то ждешь?

– У меня еще три месяца боевой подготовки впереди.

– Ты прекрасно владеешь мечом, у тебя отличные отметки. Зачем дополнительная практика?

Именно за это Алька ненавидела ужины: за то, что во время них неизменно, не нарочно, но крайне очевидно оскорбляли отца, и за то, что именно сейчас – в мирные вечерние часы – за столом поднималась тема ее Похода.

Неужели мать не понимала, что Алеста не готова, что она попросту боится идти? Конечно, Дея вроде бы охраняет дорогу к храму – храму, который, к слову говоря, находится за Стеной, – но как быть с засадами? А если ее утащат в лес Дикие? Что, если сделают своей рабыней, привяжут в одной из хижин и будут по очереди измываться над ее телом – мстить, избивать, чернить его? Бить, конечно, не сильно – чтобы могла рожать. Каждый год – мальчика за мальчиком. Ведь им как-то нужно продолжать свой род...

Плен был хуже смерти. Уж лучше в Равнины, лучше монстрам на съедение, лучше за последнюю черту.

– Я... не готова.

Алька чувствовала, что злится. Злится не на шутку, всерьез, той обидой, что остается после в душе на годы.

– Не готова? Трусиха!

– Пусть так!

– Я два раза туда ходила, и ничего со мной не сделалось!

– Живи и гордись.

– Алеста!

Уходить из-за стола до матери считалось дурным тоном, но пальцы сами легли на скатерть, а ноги спружинили – Алька поднялась и бросила в тарелку

скомканную салфетку.

– Своевольная, да?! – взревела Ванесса Терентьевна. – Гонор начала проявлять?! А ведь еще двадцати двух нет...

Ее лицо, обрамленное мелкими, похожими на собачьи букли кудрями, покраснело; тонкие брови грозно съехались к переносице.

– Не голодная, спасибо.

И Алька поспешила в коридор.

– Нет, вы только посмотрите! Это она в кого такая, в тебя? – в моменты злости мать почему-то забывала, что родила Альку от Деи, а не от Антона Львовича, и лила на последнего раскаленную мстительную лаву. – В тебя? Это все, потому что имя неправильное! Была бы Констанцией, была бы послушной!

Хельга деловито звякала вилок; отец молчал.

Под напряженное, похожее на бычье, сопение матери телевизор залил комнату пафосным гимном Женской Конфедерации.

(Fox Amoore – Myre)

Грусть всегда выплескивалась у Альки в потребность любить. Упереться взглядом во что-то хорошее, светлое, залипнуть глазами в картину и мысленно хотя бы на минуту перенестись туда, затискать сидящих на крытом пледом диване плюшевых игрушек. Проследить за тянущимся через комнату косым солнечным лучом, прокатиться по его перемеженной пылинками спине, поверить, что из светлого пятна на полу может вырасти солнечный цветок. Чем тяжелее делалось на сердце, тем сильнее хотелось верить в чудо и тем жаднее росла потребность обратить себя в хорошее.

Комната из-за заката светилась оранжевым – напиталась сочным мягким апельсиновым светом и бережливо плескала его от стены до стены, от окна до

окна. Хорошо, когда окна на первом этаже – всегда можно вылезти наружу, побродить по саду, добежать до прохладного пруда и окунуть в него руки, ненадолго потеряться в растущем на опушке ельнике.

В ельник не хотелось, к пруду тоже. Теплый ветер качал растущие на подоконнике медунки; по саду, обнаженный по пояс и одетый в синие заляпанные штаны, ходил босой садовник – таскал за собой свернувшийся змеиными кольцами шланг, поливал грядки. Иногда он бросал шланг у ягоды и брался стричь кусты, чавкал босыми пятками в меже у малины.

Садовник появился в их доме две недели назад – молодой парень со светлой вихрастой макушкой, тихий и нетребовательный. Ел в подсобке, спал в сарае, голову никогда не поднимал, не спорил, работал от заката и до рассвета. Садовник-мужчина – прихоть матери, ее способ продемонстрировать соседям зажиточный статус.

«Ну и что, что дорого? Мы можем себе позволить...»

Позволить новый гарнитур из орехового дерева, катанский ковер в прихожую, сервиз из тончайшего стекла с золотым орнаментом, садовника...

Как можно позволить себе человека, ведь он не игрушка?

«Для матери – все игрушки», – мелькнула злая мысль, и сидящая у окна Алька уткнулась грустным взглядом в обнаженную жилистую спину.

А ведь он совсем один – ни друзей, ни соседа, чтобы перекинуться словом, ни питомца, чтобы приласкать. Просыпается один, работает один, засыпает один. За личность его не считают, о желаниях не спрашивают, платят крохи – чем он живет? Где находит в себе силы, чтобы не сдаться, во что верит, чтобы держаться на плаву? Может, в какую-то одному ему известную мечту?

Ощущая жалость, нежность и щемящую тоску к тому, чье имя ей даже знать не позволялось, Алеста вдруг сделала запретное – позволила сердцу открыться и мысленно направила золотой сияющий поток женской любви на стоящего у кустов паренька – ведь никто не видит? Пусть ему на секунду станет теплее, пусть он почувствует неизвестно откуда взявшуюся поддержку, пусть ощутит, как его изнутри коснется ласковая материнская рука – «ты не один, сынок...», –

пусть...

Додумать она не успела. Позади щелкнул замок, и в комнату вошла Ванесса Терентьевна – Алькино сердце моментально сорвалось в галоп – ведь она не увидела, не успела, не засекала?! Поток любви прервался, как обрубленный, дыхание застряло в горле.

А мать увидела.

Потому что решительным шагом приблизилась к дивану, потому что с красным от злости лицом отвесила дочери такой подзатыльник, что та едва не кувыркнулась на пол; потому что долго стояла со сжатыми в полосу губами и полыхала злыми глазами так яростно, что едва не прожгла Алесте череп, а вместе с ним и каменную кладку стены сзади.

– Ты, – прошептала она наконец тихо, но оттого не менее свирепо, – ты... Если ты еще раз нарушишь закон и пошлешь Любовь какому-то отбросу, я самолично отведу тебя в Холодные Равнины и там оставлю. Поняла меня, дура?

Дура, которая Алеста, которая не Констанция.

– Как ты вообще могла от меня родиться? Такая.

Последнее слово прозвучало ругательством куда худшим, чем дура.

Глядя на то, как прародительница твердой, почти солдатской походкой выходит из комнаты, Алька стерла со щек слезы.

«Действительно. Как?»

Любить больше не хотелось, мечтать тоже. Вообще больше ничего не хотелось.

* * *

Наверху пахло досками, стружкой, разохшимися шкафами и сложенными в углу одеялами. Одним из таких Аля укрылась, забравшись на скрипучую софу, и

теперь лежала, глядя на далекие перемигивающиеся за раскрытым чердачным окном звезды.

Ночь.

Из распахнутых створок тянуло скошенной травой и тиной с пруда; уснул сад, давно скрылся в сарае садовник, давно посапывали в собственной спальне родители. Даже Хельга, которая сразу после ужина ушла в собственную квартиру, чтобы «покувыркаться» с блондином, наверное, тоже уже спала.

Только Алька бодрствовала. Алька и куча сверчков в росистой траве.

Глаза не слипались, а перед мысленным взором стоял Храм Деи – стоял таким, каким Алеста его себе представляла: белокаменным, с колоннами, с широкой мраморной лестницей у входа, пахнувший свечами и воском изнутри. На самом деле Храм мог оказаться совершенно другим – его никто никогда не описывал и почему-то не рисовал – например, темным сводчатым или же кирпичным с башнями, – но Алке он всегда чудился снежно-белым. Что будет там, внутри – прислужницы? Выйдет ли ее встречать сама Богиня? Как произойдет процесс помещения в чрев дитя? Это больно? Неизвестно, а книги по религии называли сей процесс «священным таинством» и описывать его запрещали.

Ну и ладно. Не больно-то и хотелось знать, как, и вообще идти туда. Вот только надо, придется: сначала через главные ворота по пропуску, где ее будут провожать сотни молящихся горожанок – ритуал; – затем по кромке леса; затем несколько километров по священному тракту – с одной стороны возможны засады «диких», с другой – Холодные равнины; потом в гору. Говорят, в гору недалеко – там проще всего...

Скоро она сама все увидит.

Мысли о Храме не несли ничего, кроме тоски. Алька плотнее укуталась в тонкое одеяло и отвернулась к стене, закрыла глаза. Почему она решила спать на чердаке – потому что здесь всегда сквозняк и свежо? Потому что сюда никогда не поднимается мать? Потому что здесь до сих пор пахнет бабушкой?

Бабушка жила на чердаке два последних года – сюда ее «вселила» мать. У Агафьи болели ноги, и потому вниз она спускалась редко (почти никогда) – на

чердак еду носила Алька. Но если уж Агафья все-таки по-старчески упиралась и, опираясь дрожащими морщинистыми руками на шаткие перила, спускалась-таки вниз, на семью неизменно обрушивались ссоры. Спорили всегда насчет одного и того же – воспитания и системы.

– Одумайся уже, окаянная, – орала бабушка на Ванессу, – ты что творишь-то? Я, понятное дело, дура была, когда поверила в Конфедерацию, – тебя воспитала, эгоистку, а потом еще и Хельгу помогла, – но ведь одумалась! Посмотри по сторонам, Ванесса, неужели не видишь, во что превратился мир? Что мы творим, что, безбожные, делаем?

И Ванесса всякий раз вскидывалась так, что багровела лицом:

– Из ума выжила, старая! Я тебя в дом престарелых не сдала только из любви...

– Из какой любви? Ты забыла, что это такое! Забыла! Затюкала в доме всех, самоуправством занялась, чванливая стала. Кого я вырастила? Кого воспитала?

– Да у меня зарплата...

– Да забудь ты про свою зарплату – все на деньги, да про деньги! В кого превратилась ты – матрона напыщенная! Еще и Хельгу копией своей сделала. Но Альку я не дам! Не дам из нее дуру сделать – не порть мне вторую внучку!

Иногда Алька думала, что мать ненавидит ее из-за Агафьи – из-за крепкой любви бабушки к младшенькой, из-за возможности рассказать той, «как на самом деле устроен мир». Ведь не перестанешь кормить родительницу? Не запретишь Альке носить наверх еду – не самой же?

Так Алеста и жила меж двух огней. Часто сидела на чердаке, слушала истории из далекой и молодой Агафьиной жизни, учила по бабушкиным словам историю – не ту, что написана в учебниках, а другую – настоящую, – и разрывалась в попытках понять, где есть гармония – там, где мужчины свободны, или там, где они «рабы»? Потому и в колледже принялась углубленно изучать «мужскую психологию» и выпускную диссертацию решила писать на тему: «Природа Женской Любви. Ее свойства, биохимическое устройство и возможности влияния».

Написать-то написала, вот только что «хорошо», а что «плохо», несмотря на сотни прочитанных книг, так внутри до конца разобраться и не сумела – лишь чувствовала, что гармония должна быть где-то посередине, не в крайностях.

А чердак постепенно навевал сон; стихли за окном цикады, поглаживал листву кустарников ветер, плеснула в пруду рыба. Чердак пах бабушкой.

Глава 2

Эти отличались от тех, которых она видела вчера в загоне, как небо и земля. Как домашняя кошка отличается от дикой пумы, как розовый молочный поросенок от свирепого лесного вепря – то есть полностью. Нет, Аля, конечно, читала, что «дикие» ростом и физическим развитием превосходят мужчин внутри Стены, но чтобы настолько? Каким трудом можно раскачать до подобных бугров плечи, до состояния нагрудника огромную, будто вздутую изнутри, грудную клетку, до жилистых стволов ноги? Сколько нужно бегать, соревноваться, драться, выживать?

Судя по злым глазам – много.

А взгляды у двух пленников были не просто злыми – они стирали весь строй аккуратных, одетых в выглаженные юбочки и расставленных вдоль стены пай-девочек в крошку – жгли его, дробили, ненавидели. Их – двух «диких» – выловили сегодня у самой Стены – те рыскали в ближайшем ельнике с луками наперевес – выискивали точку, чтобы сбить стражниц. Если стражниц сбить, откроются ворота, а если откроются ворота, есть шанс организовать нападение и прихватить с собой пару «баб».

От слова «баб» Алесту тошнило. А еще ее тошнило от вида грязных стоп, нестриженных ногтей, длинных сальных волос, кустистых бород и исходящего от огромных тел аромата – смрада немытой потной кожи. Еще меньше хотелось смотреть на дородный, судя по всему, «орган», колышущийся при каждом движении (толчке в спину) под набедренной повязкой.

Толкали «диких» стражницы – не менее злые, нежели пленники. Дергали за опутывающие запястья за спиной цепи, пихали кулаками в затылок, при любом движении впивали острые наконечники пик под колени. От очередного такого тычка мужик с черными путаными волосами гортанно взвыл – ругаться словесно ему не позволяла воткнутая в зубы, как это часто делали с конями, деревяшка. Второй, выше ростом, сносил унижения молча, лишь злобно скалился.

– Вот с кем вам, возможно, придется встретиться за Стеной! Теперь это понятно? Наглядно? Редко какая группа учениц имеет возможность посмотреть на «диких» вживую, а стоило бы! Так и будете размахивать мечами, как дирижерской палочкой? Так и будете танцевать вокруг манекенов, как на балу, надеясь, что пронесет? А если не пронесет?! – желчно вопрошала затянутая в кожаную с металлическими пластинами броню стражница. – В курсе, что будете каждый час раздвигать ноги перед таким вот... уродом?

На этот раз «уроды» от негодования взвыли оба; Алю затошнило сильнее – непроизвольно сжались пальцы, легко и слишком гулко, неправильно застучало сердце. Ей совсем не хотелось представлять, как подобный мужик громоздится на нее, как силой раздвигает ноги, как всовывает внутрь огромный немытый, как и все остальное, член (она точно видела по очертаниям, что огромный), дрыгается на ней, хрипит. А что, если еще и будет бить? Что, если будет делить с дружками? Вдвоем, втроем... Говорят, они продолжают совокупляться даже с беременными, а если та выкинет, то насилуют ее уже на следующий день, чтобы зачала опять.

Шагая по залитой утренним светом улице к школе, она не думала, что через полчала будет леденеть от страха. А теперь леденела, судорожно сглатывала, старалась не сталкиваться с «дикими» глазами, не дышать. Как туда идти? Как прикажете не бояться, если такие вот так близко? Одно дело было читать о них в учебнике, другое – видеть наяву.

Наяву оказалось страшнее. Этим утром Алеста Гаранева впервые допустила мысль о том, что права Конфедерация, а не бабушка – не надо им любви, не надо им тепла, не надо ласки. Убивать таких. А если и не убивать жестоко, то отпугивать так далеко, чтобы вообще не приближались к Стене! От осязаемости величины предстоящего риска ей впервые в жизни захотелось истерить – вернуться домой и кричать, что никуда она не пойдет! И пусть она трус, пусть она предатель и все рухнувшие материны надежды в одном лице, пусть она кто угодно, лишь бы не в Поход!

Но то внутри.

А на лицо Алеста не изменилась – лишь плотно сжала зубы и с отстраненной остервенелостью решила, что драться она научится. По-настоящему, жестоко и больно. Чтобы наверняка.

– Эй, ты что! Ты что?! Изрубишь меня на куски!

Одетая в сползший набок защитный шлем и прижатая к самой стене Ташка выставила перед собой руки и вытаращила глаза.

– Прекрати! Алька, остановись!

Второй деревянный меч уже валялся метрах в трех на полу, ловко выбитый предыдущим ударом, – потная Алеста все наступала.

– Сдаю-ю-юсь! – заверещала подруга так громко, что подросла тренерша – дернула Альку за плечи, гулко хлопнула по шлему, резко развернула к себе лицом.

– С ума сошла, Гаранева! Меч, хоть и деревянный, но это меч! Поругались, так выясняйте отношения по-другому!

Взмыленная Алька очнулась только сейчас – до этого она видела перед собой не подругу, а «дикого», желающего навсегда ее поработить – и била его, била, била...

– Прости...

Хриплого выдоха из-под шлема не услышал никто. Вокруг них, оказывается, уже собралась толпа – все смотрели на бешеную ученицу – ее потную спину, израненные деревянной рукояткой до пузырей ладони, дрожащие пальцы – шушукались, обсуждали, толкали друг друга локтями.

– Простите, я... забылась.

– Забылась она! Марш в душ, и чтобы сегодня я тебя больше не видела!

Шлем давил виски, форма липла к телу – она остыла и теперь холодила кожу, – ладони зудели, а перед глазами чередовалось то испуганное лицо Ташки, то выпученные глаза «дикого» – я тебя подомну под себя, иди сюда, непокорная баба...

Смущенная собственным поведением и чувствуя себя сбрендившей, Алеста развернулась и зашагала к выходу из зала. Ей действительно нужно остыть, успокоиться, принять душ и унять не на шутку разыгравшееся воображение.

* * *

«...Господь создал мир и других Богов. Он создал нас – женщин, – дабы мы Любовь своей прославляли его, несли в дома уют, воспитывали детей и хранили тепло семейного очага. Он так же создал и мужчин, дабы они славили его трудом, подвигами и благими делами. И никто не повинен в том, что нынешнее поколение мужчин – нечета бывшим праотцам нашим – те были достойны почестей, и потому, храня уважение к далеким корням, Конфедерация оставила новорожденным право именоваться сразу после имени Отчеством, а не Матчеством, как то было бы верно исходя из сложившейся ситуации.

Мы чтим наших далеких Отцов, как чтим и Господа нашего, ибо все в этом мире есть дети его. Ныне матери могут избирать детям то Отчество, которое сочтут наиболее благозвучным, независимо от того, чей это ребенок – мужчина или рожденный от Великой Деи...»

Осознав, что зачиталась совсем не тем, Алька отложила в сторону оставленный кем-то на столе томик «Религии в социальном устрое» и вернулась к газетам.

Она провела в библиотеке уже три часа – искала данные о похищениях «дикими» женщин Общины, – но статистика, словно ловкий жонглер, укрывала цифры.

«Не о чем беспокоиться, – призывали успокоиться статьи, – ситуация под контролем. Пропадают немногие. Почти никто. Редко. Мы работаем над тем,

чтобы восстановить порядок и правосудие и однажды свести цифры к нулю...»

Но какие цифры? Скольких похищали на пути к Храму? Многих?

Этот вопрос сделался для Алесты болезненным.

В пустом в этот час зале витало эхо – прохаживался у дальних стеллажей библиотекарь, изредка поглядывал на посетительницу – не начнет ли втихаря рвать страницы книг на память? – потом успокоился, уселся за стол, притих.

От голода ныл желудок; в косых солнечных лучах танцевали пылинки, хотелось чихать, но Алеста домой она не спешила. Вот отыщет данные, узнает правду, а потом отложил в сторону газеты. Потому что если не узнает...

И вдруг мелькнула странная мысль: а если узнает, станет легче? Пусть прочтет, что исчезает три или четыре человека в месяц – что это изменит? Ведь даже если до тебя не было ни одного, всегда можно стать первым, так?

«Страх – это фантом, который рисует в твоём воображении картины, Аленька. Он показывает тебе не то, что случится – оно ведь может никогда и не случиться, – а то, чего ты боишься. То есть не реальный мир, а вымышленный, искаженный твоей собственной боязнью. Всегда гони его, внушка, не позволяй над собой властвовать...»

Бабушка была мудра. Мудры были и вторившие бабушкиным словам учебники по психологии, которых Алька прочитала достаточно, вот только смелость от них не рождалась. От них рождалось лишь понимание, что в правильной пропорции страх способен уберечь человека от опасности, а в неправильной вызвать излишнюю тревогу, волнение и даже нервный срыв.

Судя по сегодняшним выпученным глазам Ташки, страх в голове Алесты сместился к пропорциям крайне неправильным.

Да уж.

И как же теперь вернуть все обратно?

Полдничала Аля в одиночестве – все на работе: отец на бумажной фабрике, Хельга в Управлении труда, мать, как всегда, в центральном отделе статистики.

«Наверное, как раз подделывает те самые цифры в газетах».

Вчерашние котлеты казались вкуснее холодными; с летней кухни домработница Клавдия не зло покрикивала на какого-то Нила – Алька не сразу поняла, что Нилом зовут молодого садовника.

Сегодня на него смотреть не хотелось, не после «диких» – в районе затылка ползали неприятные мысли: «а что, если мать права? Перепошлешь такому любовь, и он сделается, как те?»

Котлета, еще котлета, кусочек ржаного хлеба, компот.

Телевизор молчал; неровно тикали оставшиеся от бабушки часы на комодке – внутри разошедшегося деревянного ящика устало покачивался медный маятник, чучельная кукушка давно не высовывалась из отверстия – сломалась.

Вот бы ходить к Дее с охраной, со стражницами, да только пробовали – и возвращались ни с чем. Каждый раз одно и то же: если стражницы проводят девушку хотя бы до половины пути, то оплодотворения не произойдет. Почему? Загадка.

Может, Дея любит исключительно смелых?

Абрикосы в компоте сморщились и разбухли одновременно – Аля выудила их со дна ложкой, съела мякоть, отложила косточки на блюде и поднялась из-за стола. Перемыла посуду, вытерла ее вафельным полотенцем и поставила на полку – мать не терпела беспорядка. Конечно, если оставить на столе, уберет и Клавдия, но зачем ей дополнительные заботы, когда и у домочадцев руки целые?

Ну, почти целые.

Алеста хмуро взглянула на стертую кожу ладоней, вздохнула и отправилась в ванную за мазью.

Она точно знала, куда идет, хоть и не желала себе в этом признаваться.

Миновала ровные ряды жилых улиц с аккуратными домами и палисадниками, прошла мимо автобусной остановки – туда, куда ей нужно, автобусы не ходили, – вышла на центральную аллею.

Лиллен грелся в теплых лучах солнца – еще не закатного, но уже давно миновавшего зенит. По правую сторону звенел фонтанами парк – в глубине за оградой желтели скамейки, вдоль них прогуливались молодые мамы с колясками; малышня с яркими совками возилась в песочницах на детских площадках. Тянуло сладкой ватой, цветущей лавелией и нагретым за день листьями папоротника.

Лето только началось. В половине шестого уже не жарко, но исключительно хорошо для ситцевой блузки, открытых туфелек-лодочек и развевающейся на теплом ветру, ласкающей колени юбки.

Еще бы знать, что впереди только хорошее, что когда пролетят эти три месяца, будущее расстелится безмятежной гладью – спокойной и манящей. Знать бы.

«Уверенность есть вера, – всплыли из ниоткуда строчки из учебника, – а вера достигается усилием и решимостью верить в хорошее. Осознанным выбором, склоняющим чашу весов от негативного к позитивному. Чтобы научиться верить, требуется внутренний запас сил, который восполняется сразу же, стоит вере занять прочное место в сомневающемся сознании...»

Где бы только ее взять – эту решимость?

Алька неслышно вздохнула и направилась прочь от парка, от центральных улиц, к окраине. Шла долго, даже устала, но сорок минут спустя достигла цели – широкой асфальтированной дорожки, тянущейся вдоль Великой Стены.

Здесь никто не прогуливался – сюда вообще старались заглядывать как можно реже – все-таки Стена, а за ней опасно – лишь расположившиеся на удалении друг от друга стражницы отдыхали в тени деревьев.

Одна из таких, одетая в военную форму, курила неподалеку от Алька, изредка поглядывала на Стену; из-под дерева плыл табачный дым.

В городе курили редко – считалось немодным. Мужчинам эту пагубную привычку запрещали совсем – нечего портить качество спермы, – а вот женщины изредка баловались тонкими папиросками, вставленными в длинный мундштук. Аля не курила. И таких толстых коричневых сигарет, как держала в пальцах стражница, до этого никогда не видела.

– Ты чего здесь забыла? – спросила та, стоило Алесте приблизиться. Не зло спросила и не добро – просто поинтересовалась. – Заблудилась, что ли?

– Нет.

У Альки не то от волнения, не то от мази зачесались ладони. Кто еще сможет ответить на ее вопрос, если не женщина в форме? Ведь она дежурит здесь сутками, а, значит, знает куда больше, чем лживые газеты. Вопрос лишь – скажет ли?

– Я... – нервы дали о себе знать запершившим горлом, – мне... мне идти скоро.

– Туда, что ли?

Женщина с короткой стрижкой качнула головой в сторону Стены.

– Туда.

– А-а-а...

«А-а-а» прозвучало непонятно – не то сочувственно, не то равнодушно.

– И я волнуюсь.

– Ну. Все волнуются.

Было видно, что стражнице диалог не нужен, и Алька заторопилась объяснить, пока ее не отправили восвояси.

- Нам просто «диких» сегодня показывали - какие же они... страшные.

- Те, которых сегодня изловили?

- Да, двоих.

- Слышала.

- И я... я подумала спросить,... а часто похищают?

Незнакомка в форме в какой-то момент напряглась, поджала губы, взглянула из-под фуражки неприветливо - на Стене в башнях перекликивались дозорные, - затем уловила в Алькиных глазах настоящих испуг и чуть размякла.

- Не велено нам говорить. Но часто, да. В месяц человек шесть-семь.

«Шесть-семь?!» - это много, очень много! Гораздо больше, чем вещала благостная газетная статистика. Какое там «не о чем беспокоиться»?

- Только сегодня вот одну опять... умыкнули. Гады недоделанные. Не отбили мы ее.

Стражница наклонилась и аккуратно затушила окурок о землю.

- А назад? Многие из них возвращаются назад?

Але отчаянно сильно хотелось верить в хорошее, невероятно хотелось.

- Назад? - дама в фуражке посмотрела на незнакомку, как на умалишенную. - Дура, что ли? Назад никто не возвращается. Никогда.

И она взглянула вверх, на башни, над которыми безмятежно и легко плыли по синему небу далекие белые облака.

Ташка перестала дуться после троекратного «прости». Важно кивнула Альке, слезла с деревянной скамейки за собственным домом и со словами «ты же еще не ужинала» убежала внутрь. Вернулась с двумя пластиковыми баночками йогурта и ложками – Алеста по-доброму хмыкнула: чем бы ни ужинали Эльза Геннадьевны и ее дочь, котлетами это точно не являлось. Здесь не готовили ежевечерний ужин, не садились за стол вместе, не вели чинных разговоров.

«Не компостировали друг другу мозги».

После Похода к Дее мать Ташки мужа заводить не стала – не пожелала осквернять тело мужскими прикосновениями, и потому в доме часто царила тишина – сама она читала наверху, дочь находила дела внизу. А еще, наверное, из-за отрицательного отношения матери к мужскому полу, Ташка приобрела к нему же интерес исключительно положительный – ей во что бы то ни было хотелось «попробовать мужчину», но она пока не решалась.

– Ешь!

Тощая рука с веснушками решительно пододвинула к Альке йогурт; крыльцо задней веранды утопало в саду – не ухоженном, как в родном доме, а диком, заросшем всем подряд и оттого почему-то уютным. Натуралистичность нравилась и Ташке, и Альке, но только не хозяйке дома, однако денег на садовника все равно не было – управляя химчисткой, Эльза Геннадьевна зарабатывала немного. И неубранный сад шумел, колыхался листьями лопуха, пестрел цветущим осотом.

Алька посмотрела на йогурт, поджала колени теснее к груди и отвернулась. Прищурила глаза, процедила отрывисто:

– Я не хочу. Туда. Идти.

Они обе знали «куда».

– Так не ходи!

Подруга уже облизывала ложку, причем не как все, поворачивая ее выпуклостью вниз, а наоборот – бугорком кверху, языком снизу. Когда-то Альку злила подобная «неправильная» манера, потом привыкла.

– Я не могу. Я должна.

В «должна» пролилось все накопленное за последние месяцы отчаяние.

– Да никому ты ничего не должна, – вскинулась Ташка.

– Должна! Матери. Я ей все должна.

– Нет.

– Да.

– Нет.

– Да!

– Просто возьми и слейся.

– Что значит «слейся»? – удивилась Алька.

– Ну, возьми денег сколько сможешь, билет на автобус до дальнего города и начинай новую жизнь, свою жизнь – для себя, не для нее.

– Ага, чтобы она занесла меня в список «отвергнутых»?

– Ты что?! – Ташкины глаза стали круглыми. – Она такого не сделает!

– Сделает, – Алька в этом даже не сомневалась. Если дочь пойдет наперекор приказам, оскорбленная Ванесса Терентьевна пойдет на все, чтобы показать, насколько она обижена и оскорблена, в том числе и жестко отомстит – поместит собственного отпрыска в список тех, кто не «уважил» волю родителей, чем лишит последнего права на любую достойную должность и зарплату во веки

веков, аминь.

- Ну, не изверг же она?

Это Алька комментировать не стала, лишь вздохнула, потерла чешущийся глаз и проморгалась. Опять подумала о том, что неухоженный сад – это чем-то красиво. Не все и всегда должно быть ухожено, рафинировано.

- Ну, тогда вариант номер два, – пустой стаканчик от йогурта стукнул доньшком по поверхности стола и под порывом ветра едва не перевернулся. – Ты будешь?

Ташка указала на второй йогурт; каштановая голова качнулась.

- Тогда я съем. Так вот, вариант номер два – просто сделай так, как тебе удобно, и выдай все это за случайную ошибку.

- Не понимаю тебя.

- Ну, смотри. Тебе ведь не хочется идти к Храму?

- А тебе хочется?

- Я еще не решила.

На самом деле Ташке уже решила – ей хотелось мужа. И секса. И они обе об этом знали.

- Ладно-ладно, – замахала руками рыжая хитрюга, – мне не хочется к Дее. Но меня и не заставляют.

- Везет...

- Ты слушай! Делаешь проще: находишь мужчину, который тебе не противен, ложишься с ним в постель, как бы случайно беременеешь, затем приводишь его к матери и говоришь: «Прости, маман, так получилось – я хотела просто развлечься, но залетела».

- Она меня удавит!

- Не удавит! Все женщины развлекаются, так? Она сама, типа, не развлекалась до Похода?

- Не знаю.

- Так она тебе и сказала, если спросишь. Я почти уверена, что развлекалась. Так вот, ей придется принять тот факт, что сначала ты родишь сына, остепенишься, повременишь с получением крутой должности, заведешь мужа, а потом уже сама решишь, нужна тебе Дея или нет. Вот голову даю - твоя маман к тому времени остынет, размякнет из-за внука, поумерит амбиции...

Насчет последних двух пунктов Алеста сомневалась кардинально: чтобы мать размякла от мальчика? Рожденного не от Деи, а от какого-то мужика? Да ее инфаркт хватит. Сначала инфаркт, а потом накроет приступ бешенства. И амбиции к тому времени не уменьшатся, а точно увеличатся, ведь Алеста своим проступком станет должна втройне.

К тому же мысли о сексе с незнакомым мужчиной не рождали в голове Алесты ничего, кроме смутной тревоги.

- Как-то все это... противно.

- Мой план противный?

- Да план, может, и не плохой, а врать противно.

- А тут вранья будет мало. Ты и скажешь, что хотела все сделать, как «ты велела. Знаю, мама, ты была права - ты всегда во всем права, - но так получилось...»

- Лизнуть предлагаешь?

- А кто на это не велся?

- Все равно противно.

- Ну, если противно, тогда тебе остается только одно.

- Что?

Неужели существовал еще вариант номер три? Алька взглянула на подругу, но, к своему удивлению, наткнулась не на смешливые, а на совершенно серьезные серые глаза:

- Тогда учись драться. Драться так, чтобы, - она запнулась, - ...если уж не отбиться, так хоть помереть достойно.

- Тьфу! Чего бы доброго!

И Аля, пытаясь проплеветься, принялась издавать губами неприличные звуки.

- Говорю же, родить легче! - захохотала Талия. - Ты только скажи, а там мы тебе приличного мужика найдем!

И она с удовольствием принялась доедать второй йогурт.

Глава 3

Баал

- Вставай.

Это слово могло прозвучать мягче, будь в него добавлена нотка ласки, прошения, нежности или хотя бы заискивания, но Баал не вложил в него ничего, кроме равнодушия.

Он сел на край кровати, сложил мощные руки на голые колени и принялся ждать.

За спиной зашуршали простыни.

– Уже?

Он не стал оборачиваться – и так знал, что там лежало: пара хороших титек; крепкие, как у гнедой кобылы, слишком жилистые, на его вкус, ноги и приятное, если бы не исказившее его в этот момент раздраженное удивление, личико. Другой бы описал гостью иначе – жгучей томной рыжеволосой красавицей; Баал же описал ее парой титек, за которые пять минут назад держался. Вот они были хорошими, все остальное – так себе.

– Одевайся.

Девушка (он забыл, как ее звали. Или не спросил?) приподнялась и уселась за его спиной.

– Но еще только полночь. Давай я уеду утром, как все приличные девушки.

«Приличные девушки не раздвигают ноги перед первым встречным», – этого он вслух говорить не стал. В конце концов, ему нужна была «неприличная», потому что у нее имелось то, куда можно было воткнуть вставший член – он виноват, что член у него время от времени стоял? Родился бы просто демоном и не испытывал бы подобных мук, но Регносцирос родился наполовину человеком и, значит, имел человеческое тело. А у мужских человеческих тел, черт бы подрал их физиологию, иногда стоял член. Не все же время терпеть?

Гостья, тем временем, решила сменить тактику и протянула руку к его голове, попыталась погладить.

– Не трогай мои волосы.

Теперь разозлилась она. Не надула губы, как сделала бы при другом – поняла, что при Баале подобный номер не сработает, – попросту скинула маску и изменилась в лице.

– За волосы трогать нельзя! Книжки твои трогать нельзя! К камину подходить нельзя! Продукты в холодильнике можно потрогать?

- Потрогаешь в магазине, когда выйдешь.

И он, чтобы избежать прикосновений, поднялся первым. Поддел брошенные на кресло джинсы, прошел в ванную, заперся, включил воду. Уже стоя под тугими горячими струями услышал, как в комнате что-то разбилось, а затем хлопнула, едва не обрушив стену, входная дверь.

Они всегда что-нибудь разбивали – человеческие женщины. Слишком много эмоций испытывали, слишком часто злились.

Вазу с кофейного стола он нашел в виде осколков на ковре, когда вышел из ванной. Сходил в кухню за совком и веником, принялся убирать беспорядок.

Нет, человеческие женщины не были плохими, просто созданы они были для человеческих мужчин и подходили ему лишь телом. Если бы одна из них могла просто прийти, раздвинуть ноги, позволить кончить в себя, а после молча уйти, Регносцирос был бы счастлив, но таких он пока, увы, не нашел. Все о чем-то просили, и все чего-то хотели: слов, комплиментов, чувств, свиданий, отношений, обещаний, совместного время проведения, подарков. И если первое он попросту не мог им дать, то последнее не хотел – зачем? Лицемерить и платить за секс? Но ведь они сами на него соглашались – на голый секс без обязательств. Он при этом не врал: один, скучаю, готов трахнуть. И они шли следом – зачем, если знали правду? Все равно на что-то надеялись, во что-то верили, думали, он шутит.

Но Баал никогда не шутил – не умел.

Осколки отправились в урну. Наверное, часть из них – мелких – до сих пор утопала в ковре – пригласить, что ли, завтра уборщицу, пропылесосить? Недолго думая, Баал откатил столик к стене, быстро скатал ковер рулоном и выбросил его на газон в сад – проще заменить новым. Не любил он уборщиц, как не любил и гостей в своем доме. Эту-то привел первой за год. И то лишь потому, что устал терпеть жжение в яйцах, устал ждать, что кончит во сне, устал пытаться распалить фантазию, чтобы сработали собственные руки... Тьфу.

Вернулся в комнату, аккуратно заправил кровать, уселся в черное кожаное кресло перед камином, посмотрел на экран браслета.

«Книги ей потрогать...», – мелькнула и ускользнула прочь злая мысль.

Браслет мигал – работа на сегодня есть.

Четыре адреса, четыре вызова.

Четверо сегодня умрут.

«Родился один – умрешь один» – не стиль жизни, не убеждение – карма. Он был обречен на одиночество и всегда знал об этом. Знал еще с тех времен, когда маленьким спрашивал мать об отце, а та, глядя на его лицо, морщилась от отвращения. Знал, когда стоял наказанный за незначительные проступки в темном пыльном чулане; знал, когда били за необщительный характер в школе сверстники, когда бил их сам. Когда предсказывал людям судьбу и болезни и думал, что помогал этим, а на самом деле лишь зарабатывал еще больше отвращения и злости в ответ.

За что? За то, что не такой, как все? Он не выбирал демона в отцы, не выбирал мать-алкоголичку, не выбирал тот мир, где так и не прижился.

Но выбрал другой – Мир Уровней. И прижился.

Здесь его полудемонические способности оказались нужны и востребованы, здесь нашелся человек, способный увидеть в них пользу, а в Баале – личность. Им, этим человеком, оказался Дрейк Дамиен-Ферно – начальник отряда специального назначения, куда Регносцироса приняли рядовым бойцом. Бойцом – это на бумаге, а на деле – Карателем. Проводником душ из мира в мир, чистильщиком.

Прекрасная работа, правильная для него, подходящая.

И Баал в кои-то веки научился радоваться жизни. И даже в какой-то мере тому, кем родился. Чем плохо убивать по заданию, «по показаниям»? Не он, так кто-то

другой. Любой, к кому его направляли, уже отжил свое в этом мире и должен был покинуть его, и не потому что Баал плохой или плохая Комиссия, но потому что совершил проступок, потерял искру или же просто сдулся. Зачем Уровням слабаки?

Регносцирос подался вперед, встряхнул длинные, вьющиеся кольцами темные волосы, забрал их пятерней назад, стянул в хвост. Довольный, не чувствуя более тяжести в чреслах, поднялся с кресла, принялся натягивать джинсы.

Нет, он не умел, как коллега Мак Аллертон, выслеживать «жертв» на расстоянии, не мог находить их внутренним взором на мысленной виртуальной карте, но умел другое – читать эмоции, воздействовать на них при необходимости. Совершать предсмертную анестезию, изучать, анализировать. И, хотя все люди за много лет работы начали казаться ему похожими друг на друга, как близнецы, – одни и те же желания, эмоции, потребности, – все же работа до сих пор доставляла удовольствие.

Проводит сегодня четверых, вернется, поспит.

А завтра сходит на матч по артболу, которого давно ждал.

Квартира пахла помойкой: лежалой пиццей, невымытыми стаканами, засорившимися трубами, тухлой урной. В осязаемые ароматы вплетались и другие – неосязаемые: страха, отчаяния, мрачной безнадежности.

Перешагивая порог чужого дома, Баал поморщился – зачем доводить себя до такого? Если ты жив, если у тебя есть руки и ноги, голова на плечах – нормальная работающая голова, – зачем погребать себя заживо под лавиной сомнений, самобичеваний, тонуть в пучине неверных действий, влекущей за собой неподъемную тяжесть вечной вины?

Странные люди. Непонятные. Безнадежные.

Этот оказался наркоманом.

Он сидел в углу неубранной гостиной, в темноте, под окнами, за которыми шумел ливень. Стулья перевернуты, свет отключен, вокруг разбросаны пустые шприцы; из мисок на столе тянуло химией.

Когда высокорослый, одетый в черный кожаный плащ мужчина вошел в комнату, хозяин дома – молодой еще парень – очнулся, поднял голову, сфокусировал мутный взгляд на госте и почти сразу же завопил, захрипел:

– Застрели меня! Застрели! Только не режь, не мучай!...

Почувствовал.

Они все его чувствовали – люди, – хотя их интуиция не развивалась выше определенного предела. Но смерть не почувствовать невозможно. Довел себя до безнадежного состояния? Расхотел жить? Жди гостя.

Дрейк не направлял к тем, у кого оставался хотя бы шанс исправиться – приказывал «чистить». А как еще быть со слабаками в мире, где естественная смерть отсутствовала? Регносцирос понимал подобные приказы, более того – был согласен с ними.

А глядя на этого, был согласен на все сто.

Он медленно, стараясь не ступать на рассыпанные чипсы и обрывки жженой бумаги, обошел софу, коротко оглядел комнату – пару протертых кресел, ковер в пятнах, старый телевизор, пустые, прикрепленные к стене полки, – остановился напротив окна. Напротив отброса. Долго смотрел на наркомана, молчал.

А тот все сучил по полу грязными босыми ступнями – пытался слиться со стеной, чувствовал холод:

– Только не мучай... Застрели...

Баал всегда этому удивлялся – они думали, ему нравится мучить? И он пришел для того, чтобы оттащить бедолагу в спальню, раздеть его, привязать к кровати, разложить маньяко-ящик с инструментами и начать с наслаждением вырезать внутренние органы? Такой они представляли свою кончину? Или это его лицо

наводило их на подобные мысли?

Лицо как лицо; Регносцирос не стал смотреться в зеркало – он выглядел, как человек. Как небритый, здоровый брюнет, которому хочется поспать – ну, по крайней мере, ему так казалось. Они же видели его другим – опутанным сероватым свечением, с дымчатыми за спиной крыльями, с черными омутами вместо глаз. Перед смертью люди видят больше – миры истончаются и проникают друг в друга, сдвигая сознание.

Вообще-то, он мог бы просто усыпить бедолагу, что и собирался сделать, пока ехал сюда – приложить ему руку ко лбу, погрузить в беспамятство, а после проводить душу туда, куда ей предстояло перейти. Мог даже руки ко лбу не прикладывать – просто заглянуть внутрь и отключить жизнь, – но этот однозначно просил «застрели».

– Застрели-застрели-застрели...

Наркоман продолжал сучить по полу пятками; у его губ пузырилась пена. Жалкая картина: неубранный дом, прогнившие обои, вонь протухшего тела и сознания. И почему ему не досталась работенка поприятнее? С песнями, лепестками роз, блеском начищенных люстр, звенящим смехом красавиц? Наверное, потому что смерть всегда связана с кровью и грязью. Почти всегда.

– Как хочешь.

То была единственная фраза, которую произнес Регносцирос, прежде чем положил пальцы на рукоять пистолета.

Что его всегда удивляло, так это людская эгоистичность. Все они боялись не смерти, нет, они боялись за себя – не жить, не существовать, не чувствовать, не быть.

А что же станет со мной? Меня больше не будет? Я уйду навсегда?

Всегда «со мной», всегда «я» – их извечное единоличное пресловутое «я».

Почему не интерес – а что находится «за пределом»? Куда состоится Переход? Почему не восторг, не азарт, не счастье, ведь смерть – всегда движение, всегда «дальше». Куда именно «дальше» – вопрос другой, – но почему, в конце концов, не любопытство, а как именно осуществляется Переход, какие в нем присутствуют процессы?

Нет, их интересовало лишь собственное бренное тело – оно перестанет чувствовать, думать, видеть, слышать и дышать. Все, конец мира, трагедия, тлен.

Да, тлен, но уж точно не трагедия и не конец – не в их привычном понимании.

Обо всем этом Баал размышлял, выводя свой седан с узкой парковки на заднем дворе. Ливень усилился, щетки едва справлялись с потоками – не стирали их, лишь сдвигали траекторию движения воды, чтобы через секунду она вновь залила стекло волнами.

Ну и ладно.

Через минуту он вновь остановил машину в тупичке, приоткрыл стекло, закурил. Регносцирос всегда курил «после» – восстанавливался перед следующим «клиентом», стабилизировал собственное состояние, восполнял потраченную энергию.

На сегодня еще трое.

Такие же потерянные, бесполезные?

Других он пока не видел.

Нет, видел – приговоренных к «дематериализации» с Уровней за совершение преступления; даже если те оставались в добром здравии и с огромным желанием жить и исправляться, их принудительно выкидывали за пределы Мира, в который когда-то пригласили. И верно – нечего гадить там, где живешь. Криминалы, как ни странно, сопротивлялись дольше всего, и с ними было интереснее.

Сигарета тлела быстро; грохотал по асфальту дождь – пузырился лужами, брызгал на все, на что мог набрызгать, одновременно загрязнял и умывал улицы. Зато свежо.

Регносцирос всегда философствовал в перерывах. Во-первых, потому что заняться, кроме измышлений, все равно было нечем, во-вторых, пожелай он поговорить об этом вслух, собеседников не нашлось бы. Разве что сам Дрейк, но тот вечно занят. Коллеги же при разговорах о смерти быстро впадали в уныние – достаточно созерцали ее в силу профессиональной деятельности ежедневно, чтобы еще и за кружечкой пива обсуждать в удовольствие.

А вот он удовольствие от философии получал – больше, когда ты один, не от чего.

Спустя несколько минут ливень начал стихать; все еще капало, но уже лениво, по-доброму. Блестела под фонарями освеженная листва кленов; окна здания, у которого стоял автомобиль, не горели. За окном половина третьего утра.

Вновь завелся мотор седана; низкий гул отразился от кирпичных стен.

С остальными оказалось проще: первый спал и ничего не почувствовал, вторая восприняла его приход с благодарностью – так устала жить, третий кричал, но недолго.

Тела он всегда оставлял в квартирах – их следом подчищали представители Комиссии – спасибо, хоть от этой грязной части работы избавили. Утром ему на счет упадет внушительная сумма – плата за каждого «уведенного» – работа «карателя» и по совместительству проводника хорошо оплачивалась.

Баал вознаграждению не противился – не радовался ему, но и не просил. Умел жить с деньгами, умел жить без них. Домой он ехал ленивый, расслабленный и довольный. Довольный, потому что дел на сегодня не осталось, потому что завтра пойдет на игру, потому что успеет до нее выспаться. Ночью движению не мешали ни поставленные на дежурный режим светофоры, ни пешеходы.

Регносцирос ехал и думал о том, что живая вагина все-таки куда приятнее собственных ладоней. Ему вспоминалась шарообразная упругая грудь под пальцами, закинутые на плечи ноги, вид собственного скользкого ходящего взад-вперед члена...

Мда, это стоило разбитой вазы. Завтра он купит новую.

* * *

Его накрыло на следующий день прямо во время матча, как раз когда он собирался откусить очередной кусок запеченной в тесте сосиски, запить его лимонадом, а после выкрикнуть, чтобы номер четырнадцать двигался быстрее.

От волны гнева, которая неожиданно разлилась внутри, почти свело внутренности, разум затянулся красным.

«Нет-нет, только не это...»

Возможно, это не «прилив», возможно, это просто приступ раздражения – совсем обычный, какой случается у людей, когда некий, одетый, должно быть, по ошибке в белую униформу жирняк, не может пробежать и десяти метров, чтобы не упасть.

Баал застыл и на время перестал слышать толпу, рев, улюлюканье, перестал замечать слишком тесные кресла и надоедливых, постоянно орущих и хрустящих кукурузой соседей. Вместо этого прислушался к себе, к тому, что происходило внутри, – его черные глаза все еще смотрели на зеленый стриженный газон поля, но фокус временно улетучился.

Внутри клочкотала ярость. Слишком сильная, чтобы родиться из обычного раздражения на игрока под номером четырнадцать. Может, она родилась не из-за жирняка, а из-за того, что его места соседствовали с двумя быдло, болеющими за конкурентов? Из-за прогорклой сосиски, из-за того, что лимонад вызвал изжогу, из-за недосыпа, черт его дери?

Но он доспал. Он встал в двенадцать – за два часа до начала игры, как раз вовремя.

Хотелось придушить кого-нибудь. Хотелось подняться с места, развернуться и натянуть заляпанный грязью кепон соседа тому сквозь макушку на шею, а после затянуть его узлом. Хотелось выбежать на поле, догнать жирняка и напинать того по слишком выпуклому заду, по этим толстым и лысым, как у бабы, ногам. Пилинг он, что ли, делал, сука его дери?

Регносцирос едва удержал собственный зад прижатым к казенному пластиковому стулу.

Э-э-э, нет, так не пойдет.

Это не раздражение, не неудовлетворенность, не злоба. Это, мать его, самый настоящий гнев – настоящий настолько, что если сейчас же не уйти со стадиона, кто-нибудь не просто пострадает – кто-нибудь очнется с жопой, натянутой на уши.

Баал быстро наклонился, поставил лимонад на пол, толкнул туда же пакетик с картошкой – та рассыпалась (и плевать), – поднялся с места. Задевая ногами бесконечные колени и не глядя на лица «куда прешь, мужик?», дабы не спровоцировать приступ, быстро протолкался к ближайшему выходу с трибуны.

Вот и посмотрел игру.

Вот и дождался матча, сходил, развлекся.

Он вел машину быстро, но аккуратно – надо успеть в загородный дом, пока не накрыло. Иначе он придушит кого-нибудь прямо на улице, иначе не сдобровать вполне себе здоровым гражданам, никоим образом не утратившим «искру».

Начальник не похвалит.

Черт!

Водитель выругался и ударил рукой по рулю. Почему сейчас? Почему так быстро, ведь с последнего «прилива» прошла всего неделя? Раньше они случались не

чаще раза в месяц, а то в два. Слишком быстро...

«Это не прилив, не прилив...»

Но это был он.

Приливы – а именно волны неконтролируемого гнева – случались с Регносциросом почти с рождения, и он, как умел, справлялся с ними. Пытался игнорировать, душить в зародыше, не замечать, пересидеть в запертом помещении – не помогало: ярость всегда вырывалась на волю и проходила только тогда, когда обрушивалась на чей-то хребет. Чаще всего безвинный. Хорошо, если заканчивалось увечьями, но иногда исход ужасал даже его самого. Слишком много разрушений, слишком много жертв.

Первым этот феномен пояснил Дрейк:

– Это все потому, что у тебя человеческое тело и душа демона, Баал. Видишь ли, человеческое тело дается людям вкупе с эмоциями, ибо контроль над эмоциями – самый сложный процесс, который предстоит постичь каждому. Тому, кто не сможет, – круг Сансары, по-другому – Перерождения. От эмоций зависят мысли, намерения, желания и поступки. И настроить эмоциональный круг на гармонию можно лишь одним способом – уравниванием каждой из них, что значит, каждой эмоции должно стать поровну – не больше и не меньше, чем другой. Только тогда они все превращаются в чувство, а чувство есть, как известно, только одно – гармония. Они зовут его удовлетворением от жизни, истинным счастьем.

Тогда Дрейк говорил долго. Объяснил, что избыточная радость всегда обратится в печаль, избыточное чувство вины всегда выльется в агрессию, страх при должном понимании может обратиться в силу. Но гнев может уравновесить только любовь. Любовь, которой Баал никогда не испытывал.

Оттого и «приливы». Стоило чему-то спровоцировать щелчок, задеть невидимый триггер в сознании, и гнев моментально начинал возрастать, ничем не уравновешенный, в океанскую волну. И волна эта разрушила бы его изнутри, если бы хоть раз не вырвалась на волю.

– Нельзя эмоции держать взаперти. Либо их нужно уравнивать, либо они возьмут под собственный контроль тебя.

Так случилось и с ним. Тогда он, помнится, с надеждой спросил:

– Какой для меня выход, Дрейк?

– Выход? Нет выхода, если не позволишь себе почувствовать недостающую деталь – Любовь.

– Любовь?

А после едва не взревел – какая может быть любовь у демона? К чему – к жизни, к самому себе, к кому-то еще? Да Начальник, должно быть, издевается! Давит на больное, ковыряет пальцем в черной ране!

Но Дрейк не давил – констатировал факт. А после сказал, что поможет найти выход.

И нашел.

Второй дом, в котором Баал почти не жил, находился на самой границе четырнадцатого уровня. Старый, деревянный, похожий на сарай: несколько комнат, кухня, подвал. В подвале находилось самое ценное – специально установленный для Баала портал в мир Танэо.

– Ходи туда, когда припрет. Бей, режь, отпуская гнев на волю. А после возвращайся сюда нормальным.

– Ты меня недооцениваешь – я убью там всех...

Чем Начальник думал? Почему не берег местных? Но тот лишь хитро усмехнулся, сверкнул серо-голубыми глазами и жестко произнес:

– В этом мире есть проклятое место – Холодные равнины. Некогда там жили люди, но после Боги прокляли их, и Равнины заселили монстры – адские твари, не признающие ни чужих, ни своих. Пока они находятся далеко от границ, люди в безопасности, но монстры плодятся быстрее, чем успевают найти достаточно пропитания, а потому движутся все ближе к поселениям. Вот их и режь.

Резать тварей? В неограниченных количествах? Звучало привлекательно.

– Не нарушу ли я баланс?

– В смысле, не спасешь ли многих местных от гибели? Скорее всего. Таким образом, сделаешь два добрых дела – поможешь тамошним и выпустишь пар. Устраивает тебя такой расклад?

Регносцирос попытался не выказать радость – слишком долго он пытался бороться с самим собой иными методами: стать более человечным, медитировать, изрубать в куски деревянных манекенов, сковывать себя цепями.

– А если я вырежу всех?

– Вот уж сомневаюсь.

– Их так много?

– На твой век хватит.

На его век.

Учитывая, что время в Мире Уровней не текло, а, значит, век Баала мог растянуться надолго, тварей на Танэо хватало.

Осталось добраться до дома.

Он бы купил продуктов – всегда покупал их для неразговорчивой соседки – девчонки, которая заселилась недалеко от его сарая несколько месяцев назад

(не то пряталась от кого-то, не то просто устала от людей – ему плевать), – но уже не успевал. Добраться бы до окраины за час, завалиться в помещение, сбросить с себя одежду, нацепить наручи, взять в руки меч... и в Портал. Где на час, на два, на целые сутки он сможет стать демоном. Не человеком более, не существом с сердцем, но ведомым гневом самим собой.

– Полюби – всегда советовал ему Дрейк.

Наверное, он так шутил. Так же неумело, как и сам Баал.

Кто отстроил тот дом – одноэтажную хибару метрах в двухстах от его сарая, – он никогда не знал, но, когда впервые увидел возле нее ржавый пикап, сильно удивился. Сосед? Соседка? А следом мысль: «До ближайшего магазина два часа езды...» Два часа туда, два часа обратно – не далековато ли?

Пикап был брошен у забора, свет внутри не горел, и Баал не стал волноваться – у него брать нечего, воров он не опасался. Может, кто залетный? На дворе стоял январь; снег на окраине Уровня никогда не выпадал, температура здесь всегда держалась не ниже пятнадцати, а летом, ввиду непонятной ему аномалии, не распространяющейся на остальную территорию четырнадцатого, иссушала почву до состояния камня. Может, кто сделал вынужденную остановку на пару часов?

«Скрывался? Случайно набрел на заброшенный дом и решил переночевать?»

Тогда он не стал ничего выяснять – ни подъезжать ближе, ни стучать в дверь, ни задавать вопросов. Переключился на свои дела и выбросил из головы увиденное. Вернулся к этому позже – спустя неделю, – когда обнаружил, что пикап стоит на том же месте, а от хибары на версту несет человеком.

Отчаявшимся, угнетенным и измученным голодом человеком, который, судя по всему, прижился на новом месте, а вот продуктов питания прикупить забыл.

«Дура», – рыкнул Регносцирос мысленно (к тому моменту уже ощутил, что жилец – девка), хлопнул дверцей машины и направился к чужой двери. Постучал в нее грубо, выждал около минуты, хотел уже, было, войти непрошенным, но ему

открыли. Худая, одетая в грязные штаны и майку, похожая на пугало особа женского пола. Немытые волосы разбросаны по плечам, глаза бесцветные – решила назло всем уморить себя голодом?

- Ты чего не жрешь? – без обиняков спросил он.

- Нечего, – так же просто ответили ему.

Баал фыркнул.

Его грозный вид новоиспеченную хозяйку дома изрядно напугал – как-никак на целую округу лишь они одни, – но от двери отступить не заставил. Даже взгляд, сучонка, не опустила. Он хотел огрызнуться, что пусть тогда помирает – он труп вынесет, чтобы не вонял, – но что-то заставило передумать, выплюнуть другое:

- Буду возить раз в неделю. Будешь мне пыль мести, полы мыть.

Какое ему дело до пыли? Да пусть ее хоть тонна навалит. И до чистых полов столько же...

А девка... Девка удивилась и кивнула.

Вот и договорился. Пришлось уйти, а через полчаса вернуться со своими запасами. Пакет с парой сэндвичей, бутылкой минералки, куском недоеденной колбасы, сыром и пачкой крекеров он оставил у двери.

Дождаться, пока откроют, не стал. Именем не поинтересовался тоже.

Июнь, а пикап стоял на том же месте.

Изменилось немного: вокруг дома уменьшилось количество сорняков, выросла пара грядок, заблестели окна. Безымянная девка из худой превратилась в почти нормальную. Мыла она, когда он не видел, на глаза ему почти не попадалась, на привезенную жратву не сетовала, денег за нее, впрочем, тоже не оставляла. И пусть – та обходилась недорого. Пыль, что ни странно, из его сарая полностью исчезла.

Вот и теперь, приближаясь к дому, Регносцирос по привычке потянул носом воздух – не пахнет ли голодом? Голодом воздух не пах. Отчаянием тоже, только немного обидой. На жизнь, мужиков? Нет ему дела – помирать соседка не собирается, и ладно.

Ключ нашелся под ковриком; привычно и сухо скрипнула деревянная дверь – впустила в дом высокую мужскую фигуру и жаркий воздух, затворилась с лязгом.

Баал быстро стянул с себя взмокшую от пота одежду, подошел к умывальнику, плеснул в лицо холодной водой и отфыркался. Затем заперся изнутри – нечего сюда ходить, пока он дома, – и заторопился в подвал.

Глава 4

Лиллен.

А лето текло мимо.

С тополей, словно теплый снег, летит пух – Алька с утра пораньше отжимается. Во дворе у соседки пестро цветут лазуритки – Алька в лесу бегаёт кросс с препятствиями. Вылупились и запорхали тысячами крыльев над лугами стаи бабочек – Алька с мечом и щитом наперевес нападает на деревянный манекен. У подружек новые юбки в оборочку – у нее мозоли на ладонях; у них шитые бусами шлепки на каблучках – у нее под ситцевыми рукавами рельефно перекатываются бицепсы.

Бицепсы.

Совсем, как мужик стала, – проворчала бы, наверное, бабушка, – жилистая и тощая. Девушке такой быть не к лицу, некрасиво это.

А куда ей «красиво»? Для кого? Зато меч в руке все чаще казался родным, уже лежал, как влитой, и бегать до горы по утрам становилось все легче – прибежишь назад и уже на зеленую траву не валишься на час, как бывало вначале. Дышать легче, икры не болят, вот только поясницу по вечерам ломит – не до танцев. Утром тренировки, после обеда практика в Управлении – бумажки, статистика, документы, учеба. Новые лекции, новые задания, новые знакомые – все по большей части занудные.

Лето Алеста видела только из окошка. Когда утром вместе с рассветом бледнел на чердаке мрак и сквозь тонкие щели в досках протягивались, словно струны, ровные золотистые лучи. И вечером, когда те же лучи, только мягкие и розовые, почти пушистые, стелились через сад. Вызрела клубника, наливалась малина, подставляла бока солнышку пузатая вишня – все грелись, все наслаждались, все питывались теплом, только она, Алька, наблюдала за жизнью, как из бункера, изнутри собственной черепной коробки и вздыхала, когда бросала короткие взгляды на бледную, совсем без загара кожу.

Мать, возвращаясь с работы, демонстративно беседовала только с Хельгой, отец захворал и сразу после ужина уединялся в комнате; Ташка уехала в Карлин к бабушке – сплошное одиночество. Из развлечений: наблюдать за садовником Нилом да таскать из библиотеки книги. Все интересные уже перечитаны, а на неинтересные нет ни сил, ни желания.

Алька грустила.

Два летних месяца уже прошагали мимо. Остался третий.

И он, как пить дать, прошмыгнул бы так же, как остальные – скучно и не приметно, – если бы не одно событие...

Тайник.

Тайник обнаружился случайно и, конечно же, на чердаке; в какой-то момент блеснула в свете заходящего солнца щель между досками, и Алька тут же отправилась ее исследовать.

И что нашла! Две старые и почти рассыпающиеся от прикосновений книжки, несколько выцветших черно-белых фото в жестяном ящике – на них Агафья обнимала незнакомого мужчину – Алькиного деда (ведь, деда?).

Алеста хмыкнула: «А кого же еще обнимать?»

Но зато как обнимала! Искренне, радостно, не выделяя ему, по-видимому, «пятнадцатиминутку». Неужели любила по-настоящему? Почему же тогда не рассказывала о самой себе, только о других – из-за матери?

Глядя теперь на обиженное и одновременно восхищенное выражение лица внучки – глаза горят, в них плещется любопытство, рот приоткрыт – Агафья бы, наверное, смеялась. Она вообще любила смеяться. И тайники, видимо, любила, иначе, зачем сделала бы один в стене?

«А, может, специально, для меня?» – руки все тянулись к найденным сокровищам.

Нет, это вряд ли. Скорее, для себя.

Тут и потускневшие от времени украшения, и старые на жухлой, как крылья высохшей бабочки, бумаге письма, открытки: от отца, брата, подруг...

Часть истории. Часть бабушкиного прошлого.

Спешно бьющееся в собственной груди сердце и невероятно сильное чувство, что отныне что-то обязательно изменится.

Письма Алеста читала только по ночам. Всегда с чувством стыда, но с великим упоением – так в старину читали запрещенных поэтов – взхлеб, сразу в кладовую памяти, чтобы наизусть. После подолгу вспоминала строчки и перебирала их, словно жемчужные бусины: с какой заботой писал дед, когда находился в другом городе, с какой нежностью отвечала ему бабушка, с какой любовью эти двое заботились друг о друге. Она тонула в чужих чувствах, словно в океане, и не желала из него выплывать – ее качало, пьянило, влекло, убаюкивало незнакомым течением.

Значит, чувства есть и не по графику. Значит, они бывают.

А по ночам ей снился дед – в фуражке, улыбающийся, почему-то всегда с цветами, как на фото.

Потом письма закончились, и настало время книг.

И все, и Алька потерялась для общества окончательно. Бабушка будто специально для нее сохранила не занудную и полную великих мыслей прозу, не чьи-то пыльные мемуары, не заскорузлые научные труды неизвестного политика или ученого – нет, она сохранила любовные романы. Те, старые, аутентичные, еще не подвергшиеся цензуре.

Такие (как значилось в истории) когда-то жгли на площади тоннами. Все выжгли – так говорили, а оказалось – не все.

И они – эти романы – окончательно потрясли Алькино воображение. А как еще? Ведь, оказывается, мужчины тоже умели любить! И не только любить, но быть сильными, смелыми, ре-ши-тель-ны-ми (а она и забыла, что это слово могло применяться к самцам). Умели быть справедливыми и щедрыми, заботливыми и ласковыми, проявлять инициативу, разрешать конфликты, быть опорой семье.

Как-как-как... Нет, не так – почему? Почему все изменилось?

Теперь Але, куда бы та ни шла, постоянно мерещились воображаемые герои – гордые, серьезные, с бугрящимися мышцами, мудрые и рассудительные – каких не бывает в жизни. Они спасали своих дам, скакали на конях, воевали только при наличии правильной причины – и не воевали даже, исключительно защищали своих. И она всматривалась в мужские лица – любые, которые встречала на пути, – уборщиков, садовников, посудомойщиков, кочегаров, дворников...

«Где же они, где?»

Ведь должны были такие остаться? Не могли все исчезнуть, не могли забыть природы. Она верила, что узнает такого из толпы – по одному лишь взгляду, по наклону головы, по презрительно поджатым губам. И взгляд этот – внешне

покорный – будет выдавать всю глубину сдерживаемых чувств. «Я – мужчина! – будут говорить сверкающие глаза. – И горжусь этим».

Алька бредила.

Ей скоро идти, а она еще девственница, она никогда не любила, ей никогда не позволяли. А день рождения уже через неделю – неужели она не успеет? Совсем ничего не успеет?

Она благословила тайник и свою находку, но в моменты отчаяния его хотелось проклясть.

Лучше бы не находила, лучше бы не мучилась. Вот только забыть то, что узнал, невозможно.

Этот поступок был в стиле импульсивной Ташки, а совсем не уравновешенной Алесты, но именно последняя занималась теперь невообразимым, а именно: уже третий день накачивала садовника Нила любовью. Накачивала, не жалея сил и энергии, наплевав на все запреты, – занималась этим утром, в обед и вечером – всякий раз, когда не видела мать.

И тот постепенно расцвел. Сначала начал все чаще поднимать лицо, рассматривать окружение, как-то по-особенному просветлели его глаза, один раз даже мелькнула на лице беспричинная улыбка. А к вечеру третьего дня садовник принялся напевать – Алеста возликовала: работает!

Ее метод работает!

Размышляла она просто: да, на улице нужный человек не встретился. Общество запугало мужчин, заставило их забыть собственную роль и значение в социальном устройстве. Так почему бы не помочь одному из них вспомнить? Кому? Кому-нибудь знакомому, не противному, даже симпатичному.

Выбор пал на садовника.

Ведь в романах как? Любовь – она приходила не сразу, а зачастую после телесной близости. Значит, – ликовала Алька, – надо эту телесную близость организовать. Таким образом, она познакомится с интимной стороной жизни (уже не пойдет в храм девственницей и будет что рассказать Ташке), а заодно, возможно, пробудит чувства в мужчине. Затем вернется, воспитает в нем самоуважение, гордость, чувство собственного достоинства и, вопреки приказам матери, возьмет-таки Нила в мужья, и станут они жить душа в душу. Может, не так здорово, как бабушка с дедушкой, но как-то похоже – в семье, где царит идиллия и равенство. Нет, конечно, афишировать этого не будут – умный мужчина, если он умный, поймет, что выпячивать привилегированное положение не стоит, – зато внутри собственных стен они оба обретут гармонию. Алеста получит возможность любить столько, сколько захочет, а Нил получит возможность быть постоянно любимым.

А что пока нет чувств? Так они ведь еще толком не знакомы.

Запел? Принялся мурлыкать себе под нос?

Значит, сегодня вечером она отправится к нему в сарайчик с визитом.

Думая об этом, Алеста жмурилась, как сытая кошка.

Темноты было дожидаться невтерпеж. Мать после ужина все продолжала сидеть за столом – смотрела телевизор; Алеста нетерпеливо кружила наверху. Хельга, как назло, тоже осталась дома.

Может, отложить?

Этим вечером садовник долго вазюкал шлангом по саду – поливал-поливал-поливал и все никак не мог уgomониться. То там подстрижет, то здесь сорняк выдернет, то замешает очередную смесь удобрений – трудяга.

Алька наблюдала за ним коброй.

Разглядывала светловолосый затылок, жилистую спину, все никак не могла придумать, с чего начать разговор, – наверное, все нужно объяснить как есть?

Рассказать свой план без обиняков, предложить попробовать – ведь не откажет?

Не откажет. С чего? Ташка говорила, что мужчины падки до женской ласки, Хельга лишь подтверждала эту теорию, а сегодня Алька вознамерилась предложить именно ее – эту самую ласку. Щедро, душевно и задаром.

Интересно, ей понравятся на ощупь его волосы? А вес его тела? Какого это будет – гладить его восставшую плоть, сжимать ее пальцами, ощущать чужие ладони на коже? Так же трепетно, как в бабушкиных книгах? Закружится ли у нее от восторга голова, приятно ли будет слушать звучащие в порыве страсти нежные слова? Понравится ли вкус его дыхания?

«Эх, Нил! Знал бы ты, что тебя ждет...»

А что ждет ее?

Особенно, если узнает мать?

В десять вечера погрузилось во тьму кухонное окно; то, что вело в спальню Хельги, – на пятнадцать минут позже. В десять сорок одну Клавдия выключила свет в летнем домике, а без пяти одиннадцать свет погас и в сарайчике садовника.

Одетая в легкое платьице (под которым лишь кружевной бюстгальтер и трусики), Алька бесшумно выскользнула за дверь – пора. Озираясь, спустилась по лестнице, тенью прокралась к прихожей и скрипнула массивной входной дверью. На секунду остановилась, прислушалась – ни звука, – лишь отбойным молотом грохотало собственное сердце.

«А Нил, вероятно, не ожидает гостей...»

Конечно, не ожидает – кого ему ожидать? Хозяйскую дочку? Он, наверное, и предположить не может, что одна из них внезапно сбрендилась и решила отдаться первому встречному.

Аля волновалась. Тихонько шлепала расстегнутыми босоножками по тропинке и все думала, хорошо ли выглядит? Понравится ли избраннику? Ведь не уродина, не глупа, помылась...

Ночь пахла влажной землей, сочной травой и распутившимися в темноте бархотками – от них стелился по саду сладковатый и приторный, как материны духи, аромат.

Тряслись ладони, тряслись поджилки, скрутило от нервов внутренности.

В ветхую дверь сарая Алеста постучала ровно четыре раза.

Для того чтобы он открыл, потребовалось несколько секунд. Чтобы посторонился, впустил и выслушал, минута. Для того чтобы, наконец, кивнул и позволил сесть на кровать, еще целых пять.

Слишком долго!

А теперь этот олух (по-другому и не назовешь) стоял на расстоянии в несколько шагов и, стараясь не выдать испуга, смотрел, как Алеста расстегивает пуговицы на платье. И выглядел он при этом, как неспособная сходить по-большому сова, – волосы взъерошенные, глаза круглые, рот распахнут. Свет не зажигали, но она и без того видела, что Нилу страшно. Вместо того чтобы рассматривать ее с вожделением, он едва не выдавливал спиной дверь. Кажется, его мысли грохотали в воздухе: «А что, если войдет Ванесса Терентьевна? А что будет, если она узнает?»

Аля злилась.

Ее руки тянут вниз бюстгальтер, а придурочный садовник думал вовсе не о ее груди, а о себе! Что с ним будет, что с ним будет!

А как же ее чувства?

«Спокойно, у тебя еще нет чувств, у него тоже. Их надо пробудить».

И все равно раздеваться самостоятельно было унинительно; Аля сжала зубы и расстегнула застежку бюстгальтера. Стянула кружево, положила его рядом, закинула ноги на узкую лежанку, подвинулась к стене. Не удержалась, грубо спросила:

- Так и будешь там стоять?

- Я...

С тех пор как она вошла, он только и делал, что односложно мычал: «Я... мы... мы не должны... а вы уверены?»

- Вы точно... возьмете на себя ответственность?

- Возьму, - сквозь зубы прошипели с кровати.

«Спокойно, Аля, спокойно...»

Наверное, поначалу бывает всякое - ему нужно расслабиться, отвлечься, а дальше все пойдет, как по маслу. Должно пойти. Они оба возбуждятся, тяжело задышат, начнут липнуть друг к другу - черт, как Хельга это делает? Ей не противно?

- Ну?

Нил медленно приблизился и выглядел он при этом, как приговоренный к расстрелу.

- Послушай, если не хочешь...

Раздражение перевалило за отметку «слишком сильное».

Они шептались, как два школьника - эмоционально, порывисто, зло.

- Я... Хочу...

- Тогда долго я тут буду одна лежать?

Он, наконец, сел рядом – прямой, как доска, напряженный.

- Я... раньше...

- Что?

- Я... не был с женщиной.

- Я тоже не была, – Аля фыркнула. – Ни с женщиной, ни с мужчиной.

- Что я... что мне делать?

В блеклом лунном свете, сочившемся сквозь маленькое занавешенное окно, Нил выглядел растерянным, испуганным насмерть – возбуждения это не добавляло. Алеста силилась видеть его мужественным, красивым, решительным, но... получалось слабо. В сарае пахло несвежей постелью и мужским потом.

- Коснись меня.

В ее сторону протянулась дрожащая ладонь, легла на плечо. Она показалась ей теплой и липкой, как перележавшая на солнце медуза.

- Грудь.

Ладонь послушно переместилась на грудь – зависла над ней сверху, медленно припечаталась.

- Ну...

- Что «ну»?

- Потрогай ее.

- Я трогаю...

Хотелось рычать.

«Помассируй, погладь, поводи кругами... Пососи, в конце концов!»

То ли от недовольного блеска ее глаз, то ли от пыхтения, партнер на секунду очнулся – сжал пальцы, попробовал грудь на ощупь, потрогал сосок.

Аля закрыла глаза и попыталась расслабиться – ну, где же оно, хваленое возбуждение? Где ее собственное тяжелое дыхание, где страсть, где... все?

– Ляг рядом. Обними меня.

Нил подчинился.

– Поцелуй.

Когда его лицо приблизилось, и сухие губы ткнулись в щеку, она не выдержала:

– Вас что, ничему не учат?

– Чему... не учат?

– Как быть с женщинами?

– Нет.

– А природа что говорит?

– Что? Я...

«Я не знаю», – она могла бы завершить фразу за него.

Нет, это провал – полный провал. Ей не жарко, не сладко, не томно – ей... противно. Его волосы – она все-таки попробовала зарыть в них пятерню – казались жесткими, как щетка, кожа пахла химикатами и чем-то... чужим, не

родным, но Аля стойко держалась.

- Расстегни ширинку.

Должна же она хотя бы «поддержаться»?

Зашуршала ткань, послышался звук расходящейся в стороны молнии.

- Приспусти штаны и трусы...

- Но...

- Давай!

- Но...

Пока Нил кочевряжился, Алеста сунула ладонь под резинку, нащупала что-то мягкое, словно тряпичное на ощупь и попыталась это сжать.

Это... пенис? Какой-то... Какой-то морщинистый, неприятный... совсем не такой, как описывали. В книге он был «твердый, как сталь, бархатный, огромный»... А этот, может, и бархатный, но в руке лежит, словно детский спонжик.

Ей вспомнилась губка-утенок, с которой Алька купалась в ванной.

- Почему?...

- У меня трусы грязные, - наконец выдавил Нил, и ее рука тут же отдернулась.

- Тьфу ты!

- Я не знал!

- Все, с меня хватит.

Теперь ей было противно до отвращения. Она неуклюже перевалилась через горе-партнера – тот ойкнул, – впотьмах нащупала у стены свой бюстгальтер, сгребла его и выпрямилась. С негодованием прошептала:

– Только подумай сказать об этом матери!

– Я не...

– Урою! – прошипела Алька и направилась к двери. Никогда в жизни она не была ни грубой, ни жестокой, но в этот момент впервые в жизни была готова придушить человека голыми руками.

И пусть мать ищет нового, пусть причитает, пусть орет так, что стены рухнут. Как вообще теперь смотреть на этого Нила? А она еще любовь ему посылала, тьфу!

Убожество! Ничтожество! Мужик...

Последнее слово прогрохотало в ее голове и вовсе уничижительно.

После душного сарая ночной воздух показался ей умопомрачительно свежим.

Глава 5

Холодные Равнины.

За последние три недели он находился здесь во второй раз – его «болезнь» прогрессировала. Если так пойдет и дальше, Дрейк вообще перестанет видеть его на работе – «не айс».

Откуда он подцепил это странное выражение?...

Баал напряг воображение, попытался вспомнить и спустя секунду кивнул – Бернарда. Его притащила из своего мира Бернарда.

Она много чего притащила. В том числе и хорошего.

Мысли от спутницы Дрейка свернули обратно на оставленную за спиной гору трупов – скольких они убили сегодня? Два десятка? Три?

Достаточно, чтобы сделать этот мир «лучше».

Его «войско» слонялось неподалеку, ждало новых команд, но Регносцирос молчал. Сидел, одетый в кожаную броню и плащ, на холодном валуне, смотрел по сторонам, поглаживал пальцами залитую кровью рукоять меча; небо хмуро клубилось, дул нескончаемый здесь промозглый ветер.

Войско.

Он никогда не звал их – пришли сами. Когда Баал впервые появился на Холодных Равнинах, он вообще поначалу не мог понять, кто и против кого здесь дерется? Все против всех? Оказалось, нет. Местных он быстро разделил на три категории. Первая – хищные кошки. Не пантеры, не пумы, но некто зубастый и четырехпалый – примитивные и донельзя агрессивные животные без ушей, с черной шерстью и длинным с иглой на конце хвостом. Демоно-кошки. «Демокошки». Они кидались на все, что шевелилось; жрали всех, кто оказывался мягче камня; изредка нападали на своих – страшные, безмозглые, когтистые и вечно голодные твари – таких он раньше не видел. Кошек сегодня убили всего штук пять. Шутка ли, когда зверь доходит тебе до середины груди, а ты сам почти два метра ростом? Тут хочешь – не хочешь от шестой побежишь наутек – закончатся силы.

Пять кошек – хорошо.

Вторая группа – «жралы». Некая низшая примитивная категория существ, похожих на людей лишь внешностью: две короткие ноги, две длинные жилистые руки, мощное тело, приплюснутая голова, полное отсутствие носа. Еще более голодные, нежели кошки, уроды с такой пастью, которой позавидовала бы и акула. Двойной ряд зубов, маленькие глаза, все до единого лысые. Какие Боги могли выдумать подобных мутантов? Точно не добрые и верно не трезвые.

Жралы гонялись за кошками, кошки гонялись за жралами, а Баал, если встречал, рубил и тех, и других.

И лишь в свой второй визит он встретил тех, кого категоризировал в третью группу – полудемонов. Нет, не демонов наполовину, как он сам, а странных «недоделок» – способных соображать особей с совершенно черной, без единой полоски света душой. Получается, демонов. Но не тех, что приходят за чужими душами, а после сопровождают их вниз, а, скорее, других, «проклятых» – он назвал их «солдатами».

Солдаты умели говорить, правда, на каком-то своем, лишь интуитивно понятном ему языке, слонялись по Равнинам в поисках пищи, друг на друга не нападали, работали слаженно. Даже после долгих размышлений он так и не смог понять, откуда они взялись – не из проклятых ли Богами людей? Возможно, ибо «демонами», коими оно счел их поначалу, они не являлись.

Первый «солдат» приклеился к нему сам – шестым чувством уловил в нем хорошего воина и вожака. Разрешения не спросил, просто вклинился в кучу уродов, которыми Баал на тот момент был окружен, и положил добрую четверть из них. Затем долго зыркал – прогонят ли? Дадут ли забрать добычу? Баал позволил забрать все – падаль из монстров он не жрал.

И солдат спустя час после того, как утащил в неизвестном направлении мертвую кошку и двух жрал, вернулся уже с тремя, как две капли похожими на него, товарищами. Те коротко склонили голову в поклоне и, не спрашивая разрешения, двинулись за чужестранцем в плаще, куда бы тот ни пошел.

Регносцирос поначалу озлился – на кой ему компания? Вырезать их всех к чертовой матери? Потом решил, что не стоит – солдаты ни о чем, кроме добычи не просили, следили за каждым его жестом, подчинялись по взмаху руки и дрались, в общем, хорошо. Притом интуитивно улавливали, что гость приходит сюда не за чем-то иным, а именно «повоевать», и потому оставляли ему большую часть нападавших.

Вот и сложился союз – Баал и человек двадцать пять неизвестного сословия. Здоровые, выше него, одетые в похожие на каменистые панцири, с масками на лицах, переговаривающиеся гортанными звуками.

Хер их поймет, кто такие? Но жить они ему не мешали.

Они не спрашивали его имени, а он их. Ни того, где живут, ни чем дышат, ни зачем прозябают в подобном месте. Заселили их сюда? Вот и пусть ходят. Домик бабки – выходная часть Портала с этой стороны – окружен защитным полем, так что ей не страшны ни монстры, ни демоны, а посему он спокоен.

Взмах руки, резкий жест, характеризующий слово «свободны!», и воины принялись расходиться. Кивнули ему напоследок, выстроились в ряд, загрохотали подошвами жестких ботинок по острым камням.

Он какое-то время смотрел им вслед.

Странное место, вечно стылое. От горизонта до горизонта лишь заваленные булыжниками холмы. Мелкие камни, крупные камни, светло-серые, темно-серые, черные – вот и все разнообразие. Ни деревьев, ни поселений, ни дорог; изредка с холодного неба валил снег.

Интересно, на что эта земля походила раньше? Высились ли здесь города, светило ли солнце, была ли плодородной почва? Наверняка и температура была другой. Что за странная история приключилась с этим местом?

Изредка затылок Регносцироса зудел от любопытства, но попыток что-либо выяснить не предпринималось – Дрейк запретил приближаться к границам жилых мест. Сколько здесь государств? Одно-два, два десятка? Кто правит, как живут, что выращивают, как выглядят? Ему было интересно все. Однажды он даже спросил Начальника:

– А в Мире Уровней есть кто-нибудь с Танэо?

Дрейк загадочно улыбнулся:

– Есть.

– Много?

– Тебе статистику?

Понятное дело, что статистику Дрейк Дамиен-Ферно не предоставил бы никому. Баал отстал, но лишь временно, вернулся к этому разговору неделей позже.

– А бабка в домике по ту сторону Портала зачем? Занимается выборкой претендентов? Набирает к нам людей?

– Людей к нам набирают специально обученные представители, а не бабки.

– А бабка штаны протирает?

– Чаи гоняет, пыль вытирает, газеты читает.

Своих тайн Начальник никогда не раскрывал, но Баал все же думал, что бабка сидела там не просто так – точно не затем, чтобы фиксировать, когда полудемон с пропуском «вошел» на Равнину, когда «вышел».

– Ну, они хоть люди?

Это он спросил о жителях Танэо. А то вдруг там все выглядят, как жралы? Как тогда отличишь, хорошего убил или плохого?

– Люди.

Дрейк временами был не только терпелив, но и насмешлив.

– Мужчины и женщины?

– И те, и другие. Детей рожают, богам молятся. И выглядят они хорошо. Как ты. Красивые.

Опять пошутил?

Тот разговор Регносцирос прокручивал в голове, сидя на валуне. Вокруг ни кошек, ни жрал, ни солдат, лишь холодный ветер, пучки чахлой травы вокруг того места, куда уперлось лезвие, и ни души.

После многочасового боя гнев улетучился, осталась приятная, чуть звенящая в ногах и голове усталость. Хотелось спать, есть; хотелось в тепло. Были бы здесь сучья, он разводил бы костры, грелся, сидел, смотрел на огонь, отдыхал перед возвращением, а так бесполезно стыл вместе с Равниной. Черт, здесь стыло все, включая небо и землю – может, поэтому сразу после самого первого возвращения с Танэо Баал заказал в особняк камин?

Выдернув из земли меч, Регносцирос поднялся – хрустнули под подошвами камни, – убрал оружие в ножны, огляделся и потянул носом воздух: жильем пахло с востока – бабкой и ее пыльной хижинкой. Не раздумывая, Баал направился в ту сторону.

А после боя всегда наваливалась сентиментальность. Удивительный феномен – «сентиментальный Баал», – ненадолго, на час-два, иногда три, случался. За это время он как раз успевал добраться до Нордейла, помыться, переодеться в домашнее, разжечь камин и развалиться в кресле – лучшие минуты жизни. Потому что гнева нет, а на его месте лишь странная дремлющая пустота – отголосок прошлого, которое так и не сбылось.

Воображаемое будущее, которое давным-давно пришлось отпустить; жизнь – странная штука. А на полке когда-то стояло фото: светловолосый мужчина со шрамом на щеке, жгучая улыбающаяся брюнетка посередине и сам Баал – тогда еще не разучившийся смеяться. Братья, члены прежнего отряда специального назначения – отзвуки прошлого.

Они все ошибались – все, кто думал, что он не способен любить. Он умел, и он любил. Ее – Ирэну Валий – женщину, однажды раскрошившую его сердце в порошок. Тогда они все были молоды – не возрастом, который на Уровнях не менялся, но душой, мировосприятием – они были наивны. По крайней мере, он был.

Держал ее хрупкие ладони в своих и верил, что обрел счастье. Заглядывал в темные омуты ее глаз и тонул в них, представляя, каким сияющим может стать их совместное будущее, шептал ей на ухо нежные слова, ласково перебирал лежащие на его груди локоны – берег ее, холил, лелеял. Тогда ему верилось, что он достоин любви, пусть маленькой, но радости, своего крохотного райского уголка. Тепла, прибежища, уюта.

Он – боец отряда – думал так. Она – химик-генетик и по совместительству его коллега – думала иначе. Ей всегда хотелось большего: богатства, власти, побед, свершений, признания, почета, славы, наград. Странно, он думал, что дал ей все – свою любовь, – но любовь Ирэне была чуждой – лишним элементом в ее химической системе. Жаль, он понял это слишком поздно – после ее фальшивой, инсценированной ей же самой смерти; после того, как провел месяцы в трауре, оплакивая ту, которую потерял (а на деле не имел): уже после того, как получил удар в спину, узнав, что его попросту променяли на другого – коллегу по имени Андэр [1 – детали этой истории описаны в книге «Игра Реальностей. Том 2»].

Всему свое время, всему свое место – так говорил Дрейк. И понимаю тоже.

Что ж, понимание пришло и к Баалу: любовь не для него. Нет, он не ожесточился, не сделался деревянным в принципах, не отверг само существование светлого чувства – просто принял истину: такого, как он – демона, – никто любить не может. Любовь – для людей, – например, для его коллег. Для Халка, который всегда с нежностью поглаживает руку Шерин и плюет на то, видят его другие или нет (Регносцирос всегда восхищался подобной открытостью и отсутствием стеснения), – они через многое прошли вместе, многое преодолели – честные, понимающие, достойные друг друга люди. Любовь существовала для Мака, который всегда с тлеющими в глазах углями смотрел на чертовку Лайзу – слишком дерзкую, по мнению Регносцироса, девку, – но кто он такой, чтобы судить? Чейзер счастлив? Счастлив. И это главное. Снайпер нашел свою половину после покушения на его же собственную жизнь (хе, еще и троекратно), доктору пришлось лезть за счастьем в дыру под названием Криала... Интересно, в какую задницу, чтобы обрести хоть что-то подобное, нужно залезть ему – Баалу?

Ни в какую.

Он поднялся с кресла, плеснул в стакан виски, вернулся к камину, положил на пуф ноги – черт бы подрал эти приступы «слюнявости». И все-таки они лучше гнева.

Нет, в дыру ему лезть не придется. Пусть рыжей Мег восхищается Дэлл, пусть находят друг друга вечные странники на Магии, пусть будет счастлив Дрейк (вот уж кому действительно несказанно повезло: его Бернарда – достойная спутница на все времена). А он, Баал, расслабится дома, посидит в тишине, почитает, подумает, отдохнет.

Он поверил однажды, и тогда его вера разожгла внутри яркую искру, а после эта самая искра обросла по периметру черными слоями тоски, обиды, разочарования, горечи и боли. И он слишком долго жил этой болью – неслышно выл по ночам, изнывал от отчаяния; искал, чем он не вышел, в чем виноват; безрезультатно пытался развенчать в голове манящий женский образ – хватит.

Теперь все просто: женщины – для людей. И иногда для того, чтобы унимать жгущую чресла похоть, от которой, если бы мог, он бы избавился навечно. И почему Дрейк до сих пор не изобрел склянку с чудо-жидкостью, после приема которой похоть исчезала бы, как по волшебству? Он бы даже подумал о том, чтобы лишиться этого врожденного «человеческого» дефекта насовсем.

Регносцирос отхлебнул виски, задумчиво посмотрел на выступающий на джинсах бугор и хмыкнул – нет, пожалуй, «насовсем» – это перебор. Но разок бы «анти-стоячную» настойку принял точно, а то опять через какое-то время придется распалять воображение и работать руками.

«Чем больше думаешь, тем быстрее встанет».

И он откинулся в кресле. Ощутил спиной чистые влажные волосы, пошевелил давно отогревшимися пальцами ног, закрыл глаза и улыбнулся.

Очнулся, отдохнувший, почти час спустя – пора работать.

Поднялся, взял со стола браслет, нажал на кнопку – экран тут же сообщил, что на сегодня имеется семь клиентов. Двое с четырнадцатого, один с одиннадцатого, один с девятого, два с седьмого и один – Баал присвистнул – со второго.

Удивился он потому, что на Уровнях с первого по шестой редко доходили до состояния «забери меня, смерть». Новоприбывшие в этот мир долго держали мотивацию и интерес, а потому начальные Уровни Регносцирос почти не посещал. Редко. Когда кого-то приговаривали к дематериализации, а, значит, предварительно помещали для суда в Реактор, откуда он будущих смертных и забирал.

А сегодня придется покататься – благо, на каждый Уровень есть выход из здания Комиссии – местной пространственной оси. Но пока доедешь до адресата, пока проводишь, пока вернешься, – мда, ночка расписана до самого утра. Однако он не роптал, потому что так и предпочитал – дни для себя, ночи для работы.

Телефон зазвонил, когда часы пробили половину восьмого – Баал как раз завязывал волосы в хвост.

– Слушаю, Канн.

Увидев, что звонит стратег-тактик, он понадеялся, что Дрейк подкинул боевое задание – иногда лучше пострелять, чем в очередной раз выслушивать «только не режьте меня». Интересно, приди он к «клиенту» в гневе, наверное, точно порезал бы на кусочки...

«Угу, и кишки по стенам развесил».

– Привет, старик, как поживаешь?

Для того чтобы предложить поход на боевую, голос Аарона звучал слишком весело – надежда сменить род деятельности этой ночью тихо взмахнула крылом и улетучилась.

– Хорошо поживаю, лучше всех. Как сам?

– Нормально сам, – «ничего нового» – прозвучало негласно, – сегодня дохтур наш всех приглашает на барбекю на заднем дворе. Овощи-гриль, мяско, пиво, петарды. Придешь?

– Не приду – работа.

А душа уже тянулась к отдыху: зад тут же представил, как хорошо было бы развалиться в тканевом кресле, нос принялся втягивать воздух, силясь уловить в нем запах дыма, стриженного газона и румяного мяса, пальцы потянулись к браслету – снять. Баал вынудил себя остановиться, невнятно рыкнул в трубку.

- Слышь, да подождут твои «жмуры»! Они и так смерти столько ждали, что, еще сутки не протянут?

«В том-то и дело, - Регносцирос вздохнул, - на то, чтобы убрать заявленного в списке «жмура», ему выделялось двадцать четыре часа. Если смертник после этого времени все еще будет числиться в живых и излучать сигнал, деньги на счет в банке не поступят».

- Не могу.

- На прошлой неделе ты отказался идти к Чейзеру, а на яхте, между прочим, было хорошо, славно погуляли...

- Да-да, а на позапрошлой я не пошел к Дэйну, который звал всех на фильм. Я понял, я - говно.

Закончил за стратега демон и приготовился положить трубку.

- Ты не говно, - тактично поправил Аарон, - ты просто погряз в работе. Я бы еще понял, если бы ты торопился помочь им выжить, но умереть?

По этому вопросу в голосе друга всегда звучало завуалированное недоумение.

- Давай, хорошо вам повеселиться.

Баал-таки положил трубку, не дождавшись ответного прощания. Невежливо, да. А вежливо намекать на то, что его профессия пахнет смрадом и не несет в себе никакой пользы? А ведь мало кто знает, что умирать тоже надо с умом, потому, если без ума, можно и после смерти далеко уйти. Причем в совершенно неверном направлении. Да что они знают о смерти и о «проводах»? Сильно ли разбираются в энергии и том, что происходит после «перехода»?

Люди.

Баал фыркнул. Друзья, но все равно люди, а, значит, и судят по-людски.

А настроение-таки просело.

Даже в машине он не стал включать радио. Вместо этого думал о том, что всего каких-то несколько лет назад все могло пойти по-другому. Совсем. Тогда, когда в последний раз, нацепив на себя чужое человеческое тело, в гости приходил отец.

- Давай, - горячо убеждал он, - пойдём уже, решайся! Там внизу ты скинешь эту дрянь (имелось в виду уже личное тело Баала), станешь духом, демоном - кем ты, собственно, и родился.

- Не хочу.

- Как не хочешь? Ты - демон!

- Я наполовину человек.

- И тебя это радует? Эти... слабости, эмоции, перепады настроения, вечные желания, поиск счастья и смысла жизни, потребность жрать? Мы сотворим из тебя демона, тебя примут, научат, разовьют...

- Научат чему?

- Твоему истинному ремеслу - заключать сделки.

- Я и сейчас умею их заключать.

- Ах да. И как я забыл? Кстати, а ты ведь хорошо устроился, ты мог бы на этом сильно выгадать, знаешь?

План, который предложил воплотить в жизнь отец, звучал безупречно: Баал занимается той же работой - провожает умерших, вот только перед смертью он спрашивает их о последнем желании и воплощает его в жизнь. А взамен получает душу, которую по пути туда, куда он жмура ведёт, доставляет в Нижний мир. В обмен на энергию, конечно. На знания, силу, дополнительные умения, мощь. Таким образом, его Начальник ничего не замечает - жмуры покидают Уровни, а люди возвращаются домой уже без души - сами продали.

Легко? Легче легкого!

Вот только Баал отказался, сказал, что желает сохранить сущность человека.

- Остатки, дурак!

- Пусть остатки.

- Мы редко выбираем в пары человеческих женщин, и я надеялся, что ты станешь достойным продолжением рода!

- Ты просто развлекался.

В том была своя правда – Баал знал об этом. Демонам плевать на чувства, их всегда интересовала лишь личная выгода.

- Зачем тебе человеческая душа? Тьфу! Дрянь собачья, ничтожество, мусор...

- Тогда что тебя смущает?

- Что в тебе она есть!

- И, значит, ценность ее велика. Иначе бы ты и тебе подобные за ней не гонялись.

- Ты еще придешь! – взревел отец, или то, что представляло на тот момент его оболочку – потрепанный, жухлый бедолага, похожий на доцента – лысоватый, тощий, в очках. Бледное лицо, не принадлежащее в тот момент хозяину-человеку, покрылось пятнами. – Придешь, когда поймешь, ЧТО именно потерял...

С тех пор отец в гостях не появлялся, а Баал гнал от себя мысли о последней встрече, о разговоре, о мнимой потере. Лишь помнил, что все могло пойти иначе, и раздраженно злился, воображая, что там, наверное, никто бы не стал называть его профессию никчемной.

Не то, что здесь.

Но это все издержки. В людской жизни есть хорошие стороны и хорошие качества, пусть даже часть из них никогда не станет ему доступной.

* * *

Лиллен.

В этом году ее день рождения совпал с днем празднования Величия Женской Общины, и Алька осталась дома. Не пошла на рынок, не стала самостоятельно составлять список продуктов для обеда, не отправилась в парк на прогулку. К чему спотыкаться о толпы ликующих и скандирующих лозунги во благо страны женщин? Женщин с гордыми лицами, женщин с флажками, женщин с лихорадочно блестящими от радости глазами – праздник. Праздник, но там, в городе, не ее. Сегодня все улицы будут усыпаны лепестками белой розалии – символом женской независимости, – сегодня на площадь приведут «диких» – будут напоминать о том, чего благодаря новому устройству удалось избежать, будут снова жечь остатки запретной литературы (библиотеки будто случайно находили каждый год по паре подходящих книжиц – хранили на складах?), изо всех динамиков будут литься бодрые гимны.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

детали этой истории описаны в книге «Игра Реальностей. Том 2»

Купити: <https://telnovel.com/veronika-melan/put-k-serdca-baal>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)